

КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

14 (232)
декабрь 2017

ПУТИ ВЫХОДА
ИЗ ВЕКОВОЙ РАЗРУХИ
стр. 3

СЛОЖИТСЯ ЛИ
КАРТИНА
ИЗ ФРАГМЕНТОВ
МОЗАИКИ
стр. 16

ТЕТРАДОЧКА
ЕКАТЕРИНЫ
ИВАНОВНЫ
стр. 20

ТЕМА

ИТОГИ СТОЛЕТИЯ

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU 12+

**Имеющие
надежду**

акция
национального
покаяния

Год столетия революции
в России даёт нам повод снова
посмотреть на последствия
Русской Катастрофы 1917 года.
Посмотреть и увидеть, что
избавиться от этого наследия
можно лишь через покаяние

pokayanie1917.ru

ПРАВОСЛАВНЫЕ БРАТСТВА В ИСТОРИИ РОССИИ: к 100-летию воззвания патриарха Тихона об образовании духовных союзов

1-3
февраля
2018

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ:

СОБОР ФЕОДОРОВСКОЙ ИКОНЫ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ (Санкт-Петербург)
СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ СОДРУЖЕСТВО МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Сто лет назад, 1 февраля (19 января по старому стилю) 1918 г., в обстановке начавшихся гонений на Церковь патриарх Тихон опубликовал Послание, в котором не только обращался к «извергам рода человеческого с грозным словом обличения и прещения», не только звал верных на «страдания вместе с собою», но взывал к архипастырям и пастырям: «...не медля ни одного часа в вашем духовном делании, с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту попираемых ныне прав Церкви православной, немедленно устрояйте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброю волею становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления». В дальнейших постановлениях патриарха и Синода перед союзами прихожан ставились также просветительские и благотворительные задачи.

Воспоминания современников, равно как и отдельные научные исследования этого периода церковной истории, согласно указывают на взрывной и массовый характер появления подобных союзов, а также на необыкновенную духовную атмосферу, царившую в возродившихся и вновь образовавшихся братствах, сестричествах, союзах приходов и т. п. Воочию можно было наблюдать как церковное Тело, «скрепляемое и соединяемое посредством всяких живительных связей, при действии в свою меру отдельно каждой части, осуществляет рост Тела к созиданию себя в любви» (Еф 4:16).

Однако на настоящий момент отсутствует сколько-нибудь целостное представление об исторической роли духовных союзов, осуществлявших свою деятельность в революционное и послереволюционное время. Заслуживают исследования и обсуждения предпосылки их возникновения, основные формы деятельности, реакция на трагические события революции и гражданской войны и т. д.

Организаторы конференции полагают, что в год столетия революции, восстановления патриаршества и возрождения братского движения необходимо обратить самое пристальное внимание на опыт духовных союзов, уже тогда нашедших христианский ответ на вызовы времени. Этот опыт может оказать неоценимую помощь в дальнейшем возрождении церковной и общественной жизни в России и других странах.

Сопредседатели оргкомитета конференции:

Настоятель Феодоровского собора протоиерей Александр Сорокин

Заведующий кафедрой церковно-исторических дисциплин СФИ, канд. ист. наук К.П. Обозный

Содержание

ДЕКАБРЬ 2017

~ новость номера

На Архиерейском соборе
обсудили безбрачие
и брак | 2

~ событие

В солидарности
и многообразии
позиций | 4

Для полноты оценок
всегда требуется
время | 7

Свято-Филаретовский
институт вступил
в год своего тридцатилетия
| 14

~ тема номера

Так что это было?.. | 15
Сложится ли картина
из фрагментов мозаики | 16

~ Живое предание

Братский помянник | 18

Дни рождения | 19

Тетрадошка Екатерины
Ивановны | 20

~ «Преображенские встречи»

Деятели культуры – о диалоге
с Церковью | 25

«Из общения рождается
община» | 28

~ 1917–2017

Пути выхода из вековой
разрухи | 3

Концепция патриарха
Тихона | 9

«И свет во тьме светит,
и тьма не объяла его» | 12

Неизвестные первые
декреты советской власти
| 23

~ Церковь и культура

Бортенёвское сражение | 32

Издание Преображенского содружества
малых православных братств

gazetakifa.ru

КИФА

Одобрено Синодальным
информационным отделом
Русской Православной Церкви
(Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина
Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29
Тел./факс: +7-495-624-92-50
Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс
в агентстве Роспечать – 19601
Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим
Дементьев, Александр Копировский,
Елена Шевелева, Светлана Калинина,
Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский
фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов.
Сайт газеты: gazetakifa.ru

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции
(ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске
«Предание»,
тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-
Press»: 11, Rue de la Montagne-
Sainte-Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60
(Анна Гринман),
+7-903-100-93-73
(Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81
(Анастасия Наконечная)
Архангельск: +7-921-073-32-76
(Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-11-37
(София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35
(Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91
(Татьяна Благодарева)
Рязань: +7-920-632-06-71
(Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11,
(Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83,
+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73
(Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05
(Ольга Кузнецова)
Кишинёв: +3-736-213-92-41
(Людмила Негру)
США, Канада: +1-651-210-49-22,
oleg@voskres.net
(Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.
Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6,
строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 7 декабря 2017 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 15 ноября 2017 г.

Одобрено Синодальным информационным
отделом Русской Православной Церкви

Вот мы и прожили этот год – год особого воспоминания страшных событий столетней давности. Конечно, мы будем обращаться к ним и после его окончания, но, наверное, уже не с таким напряжённым вниманием. И рассказ о конференции Преображенского братства, занимающий особое место в этом номере, в каком-то смысле ставит если не точку, то многоточие в этом долгом размышлении.

А ещё сейчас, в конце года, я хочу дать ответ на ту небольшую загадку, которую представляла собой обложка «Кифы» последние несколько месяцев: далеко не всегда появлявшиеся на ней картины и иконы были легкоузнаваемы.

В сентябрьском номере, посвящённом «Преображенским встречам», на обложке оказалась роспись алтарной апсиды базилики Сант-Аполлинаре в Равенне: Преображение (VI век). В октябрьском – фреска

Страшного суда из медонских росписей сестры Иоанны (Рейтлингер). А сегодня на обложке встретились героини репинской «Манифестации 17 октября 1905 года» и коринского «Реквиема» «Уходящей Руси».

Остается, пожалуй, только одна загадка: что за страшный скелет шагал над улицами Москвы на последней странице обложки предыдущего, ноябрьского номера? Это рисунок 1905 года, и автор его – Борис Кустодиев. Скелет – брат-

Александра Колымагина

близнец его будущей картины «Большевик» (1920 г.), в некотором смысле прообраз её главного героя. Таким грустным замечанием приходится сегодня завершить обращение к читателю.

Н О В О С Т Ъ Н О М Е Р А

На Архиерейском соборе обсудили безбрачие и брак

Текст: Александра Колымагина. Фото: Мария Кайкова

Всенощное бдение 3 декабря прошло в храме Московского епархиального дома в Лиховом переулке в память о том, что в августе 1917 года в этом доме начал работу Поместный собор

Программа собора включала в себя юбилейные торжества, посвящённые 100-летию восстановления патриар-

шества, поэтому ближе к концу его работы в Москву приехали делегации Поместных православных церквей. Начав свою работу 29 ноября, собор завершился литургией в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы: сто лет назад именно в этот день, 4 декабря 1917 года, в Успенском соборе Кремля состоялась интронизация патриарха Тихона.

В дни, предшествовавшие праздничному богослужению, за которым сослужили предстоятели Поместных церквей, программа собора была разноплановой и многообразной: кроме итогов последних четырёх лет и планов на ближайшие годы архиереи обсудили положение дел в Украинской православной церкви,

увекочение памяти новомучеников и исповедников в год столетия начала гонений, результаты богословского анализа решений Критского собора. Были приняты много лет готовившиеся Межсоборным присутствием в условиях открытого общецерковного обсуждения документы «О церковном браке» (не вызвавший особого интереса у церковной общественности) и «Положение о монастырях и монашествовавших», вызвавшее столь пламенную дискуссию¹, что его пришлось практически полностью переписать, а потом внести дополнительные поправки уже в ходе собора².

Собор также принял поправки в церковный устав и избрал новый состав Общецерковного суда.

¹ На портале «Богослов», официальной площадке обсуждения документов Межсоборного присутствия, первый вариант проекта, опубликованный 30 мая 2012 года, вызвал 1250 комментариев, второй, опубликованный 23 июня 2014 года, – 604 комментария; в сумме это обсуждение лишь немного не дотянуло до объёма самой мощной дискуссии (вокруг пока так и не принятого документа о языке богослужения), набравшей 1906 комментариев. Одним из главных требований участников дискуссии были независимость монастырей и выборность игуменов (игумений).

² Вот один из характерных примеров внесённых в документ

изменений. Если в первой редакции (2012 г.) говорилось всего лишь: «Игумен (игумения) назначается Патриархом Московским и всея Руси и Священным Синодом по представлению епархиального архиерея», в окончательном тексте, принятом собором, уточняется: «Определяя кандидата на должность игумена, епархиальный архиерей, в соответствии со святоотеческой традицией и практическим опытом Церкви, после совета с братией предлагает на рассмотрение Священного Синода... кандидата». Отсутствие совета с братией оговаривается как особый случай («при начале монашеской жизни обители, в случае нестроений или разногласий»).

Пути выхода из вековой разрухи

Тезисы заключительного выступления священника Георгия Кочеткова на конференции «Духовные итоги революции в России: коллективный человек и трагедия личности»

Фото: Ксения Гурко

На круглом столе «Что дальше? В поисках ответа на вызов революции» была предложена настоящая программа преодоления последствий Русской Катастрофы

Преображенское содружество малых православных братств, Свято-Филаретовский православно-христианский институт и Московское дворянское собрание провели 8–10 ноября в Подмоскovie конференцию, посвящённую столетию событий 1917 года.

Так как о ходе конференции уже рассказал сайт Свято-Филаретовского института, наше издание может сразу обратиться к её итогам. В последний, третий день конференции ректор СФИ и духовный попечитель Преображенского братства священник Георгий Кочетков сказал, что в ходе обсуждения «было много прекрасных мыслей, ценных идей и образов». «Но всё-таки, мне кажется, нужно собрать какую-то единую картину, – добавил он. – Хорошо бы было несколько таких картин, чтобы можно было их сравнить и поговорить об этом живым непосредственным образом... Но очень плохо, когда такой единой картины нет. Сегодня по любому поводу можно встретить совершенно несводимые друг к другу оценки и образы, и все они будут претендовать на свою исключительность. А так нельзя жить в народе. Мы должны почувствовать свою историю: на какой почве мы стоим, где мы живём, кто мы. Я думаю, что на конференции мы очень приблизились к ответу на эти вопросы».

Непосредственно перед этим о. Георгий предложил масштабную (сам он назвал её «вполне скромной, реалистичной») программу преодоления антропологической катастрофы, утверждая, что надежда на это есть, «потому что наша надежда во Христе, она зиждется на том, что выше нас, глубже, полнее и шире. И это основание надежды имеет сейчас принципиальное значение». Если несколько схематизировать яркое и эмоциональное выступление, то среди предложенных «пунктов программы» будут такие:

- начать с того, чтобы *пожалеть всех* и призвать себя и всех *к покаянию* «за всех и за всё»;
- *оплакать* все потери и все жертвы советских репрессий;
- снова *учиться*, начиная с простого: *вместе жить*, лично и качественно, но и совместно *трудиться*, вместе *верить*, *надеяться* и *любить*;
- вспомнить не только о *чести* и *достоинстве* всякого человека, о достоинстве *благородства*, но и о соответствующем нашему геополитическому положению *общинно-братском устройстве* жизни.

По мнению о. Георгия, «для этого в *церкви* надо вспомнить об обретении и уважении *личности* и *соборности*; в *народе* – о личной и взаимной *ответственности* за *прошлое*, *настоящее* и *будущее*, в *обществе* – о *правде*, *честности* и *праве*, *везде* – о личной *ответственности* не только за *себя*, *своё* и *своих*, но и за *ближних*, *близких* и *дальних*».

Не менее важны и другие пункты программы – преодолеть *беспамятство* и *манкуртство*, в первую очередь – историческое, духовное и культурное; увидеть, признать, научиться уважать на деле *старших* и *больших* – в народе, в церкви, в обществе, в государстве; *щедро делиться* со всем миром нашими уникальными достижениями и дарами: плодами *русской культуры*, опытом *новомучеников* и *исповедников* церкви Русской; *полюбить* Бога и человека, и даже себя, свою землю, свой народ, свою историю, традицию и культуру; *призвать всех вернуться* в страну и *помогать её восстанавливать* после вековой разрухи; *восродить* и укрепить внутренний и внешний *мир* и дружбу с *соседями*. Чтобы это стало возможным, нужна полная *декоммунизация* и восстановление прямой связи (преемства) с *Российской империей*. В основу же всего, по мысли о. Георгия, необходимо положить некое новое общероссийское живое движение снизу.

Это заключительное слово многое может сказать о конференции. **КФ**

В солидарности и многообразии позиций

Говорят участники конференции

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная

Что было самым важным для Вас в дискуссии, проходившей во второй день конференции «Духовные итоги революции в России: коллективный человек и трагедия личности»?

Феликс Вельевич Разумовский, писатель, телеведущий, член Международного союза журналистов: Сравнивая атмосферу на этом круглом столе (и, стало быть, на конференции в целом) с тем, что происходит в так называемом культурном пространстве в эти дни – очень важные дни столетия самой, может быть, страшной русской катастрофы, – я испытываю что-то наподобие оптимизма. Потому что в том большом культурном пространстве, где действуют разные средства массовой информации, в том числе телевидение, где действует власть и разные общественные силы, – там не то что такого разговора не получилось, там даже не удалось поставить важнейшие вопросы. То есть в пространстве нашей жизни доминирует безнадежная культурная тусовка. Как известно, она живёт по своим законам, она играет и одновременно всё и вся профанирует. Я сейчас не буду говорить об этих фильмах, об этих совершенно никчёмных ток-шоу... Всё это было профанацией. А здесь шёл серьёзный разговор о смысле. Понимаете, это колоссальная разница. Может быть, где-то ещё собрались люди, чтобы со скорбью вспомнить это крушение и обвал, может быть. Мне ведомо далеко не всё, что происходит в нашем необъятном отечестве. Но из того, что я знаю, это один из самых серьёзных, зрелых и глубоких разговоров о гибели исторической России. Вот это, как мне кажется, самое важное.

Что Вам показалось самым важным в дискуссии «Что дальше? В поисках ответа на вызов революции»?

Вячеслав Владимирович Игрунов, директор Международного института гуманитарно-политических исследований: Мне довольно сложно говорить, потому что я приехал только к третьему дню конференции, который являлся продолжением и завершением всего, что было перед этим. Однако было очевидно, что во время конференции шла напряжённая интеллектуальная работа, и я видел, что люди глубоко взволнованы и обеспокоены тем, что они обсуждают. На самом деле это не совсем обычная атмосфера. Мне чаще приходится участвовать в конференциях, имеющих более или менее научный характер, и там нет такой, я бы сказал, нравственной напряжённости. Даже если люди очень увлечены тем, что они обсуждают и, следовательно, профессионально к этому относятся, всё же это иное состояние души. И мне, человеку, который не является членом Преображенского братства, особая наэлектризованность среды, которая ощущалась на конференции, и кажется самым важным. Она чрезвычай-

**ПРЕДСТОЯЩИЙ ПУТЬ ПОТРЕБУЕТ
МАКСИМАЛЬНОГО НАВРСТВЕННОГО
СЛУЖЕНИЯ, МАКСИМАЛЬНОГО
МУЖЕСТВА**

но нужна, потому что является, на мой взгляд, серьёзной основой не столько для интеллектуального, сколько для духовного роста.

Мне ведомо далеко не всё, что происходит в нашем необъятном отечестве. Но из того, что я знаю, это один из самых серьезных, зрелых и глубоких разговоров о гибели исторической России

Что касается ответов на вопросы завершающего круглого стола – «Как же дальше? Что дальше?» – то дать их на подобного рода конференциях, наверное, невозможно. Потому что проблемы, стоящие перед страной, настолько сложны, что даже не ответы, а сама постановка вопроса требует очень высокой специальной квалификации: квалификации политологов и социологов, причём такого класса, что во всей стране подходящих людей можно по пальцам пересчитать. Так что это обсуждение было скорее попыткой уяснить себе сложность задачи. Сам я выступил с достаточно грустной позицией, которая, по сути дела, не обсуждалась, поскольку была слишком уж для публики пессимистична. Разве что отец Георгий Кочетков в ответ сказал, что у нас есть надежда на Христа. Это достойная позиция – позиция определения своего места, своей роли, своего действия в обществе, и в общем-то, наверное, правильная, потому что в той ситуации, в которой мы живём, необходимо мужество отчаяния, то есть необходимо собрать все свои нравственные силы и продолжать работать. В самой этой работе и содержится смысл жизни. Примерно так для меня выглядит мысль о том, что с нами Христос, только так я это могу воспринимать. Потому что предстоящий путь действительно потребует максимального нравственного служения, максимального мужества.

Каковы Ваши впечатления от конференции? Не возник ли «перегруз» от интенсивности?

Дарья Виолина, кинодраматург, режиссёр:

Одно из наиболее отчётливых ощущений – это нехватка времени. Я понимаю, что неизбежный для всех нас ритм

жизни не предполагает сегодня конференций длиной в пять-шесть дней, а хотелось бы. Конечно, не потому, что за пять дней можно осмыслить духовные итоги революции – совершенно очевидно, что и ста лет для этого не хватило бы – но было такое количество содержательных, когда-то волнующих, а когда-то просто очень наполненных с информационной точки зрения выступлений, что совсем не хотелось ораторов прерывать (что вынуждена была делать жёсткой рукой председатель оргкомитета Юлия Балакшина). Конечно, хотелось участвовать в дискуссии, но мне, честно говоря, важнее было даже не столько высказаться самой, сколько услышать разные точки зрения. Было очень много людей, которые говорили важные вещи, и понятно, что их могло быть ещё больше, но тогда конференция длилась бы вечно.

Впрочем, и тех, кто съехался в эти дни, было такое количество, что возникало ощущение некоторого цейтнота. По 3–4 секции работали одновременно – и остро хотелось побывать хотя бы по полчаса на каждой. Но на самом деле это замечательно, это и есть, наверное, успех конференции, когда возникает ощущение, что расставаться не хочется.

С ОДНОЙ СТОРОНЫ, ВОЗНИКАЛО ОЩУЩЕНИЕ БЕЗУСЛОВНОЙ СОЛИДАРНОСТИ, С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, БЫЛИ ВОЗМОЖНЫ РАЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ, МНОГООБРАЗИЕ МНЕНИЙ

Конференция представляется мне невероятно содержательной. Вы спросили – нет ли ощущения перегруза? Нет. Я думаю, что умных мыслей много не бывает, другой вопрос, что многие из них требуют ещё более подробного осмысления, тем более что некоторые из высказанных на конференции суждений противоречили друг другу, при том что в целом существовал «общий вектор». С одной стороны, как это часто бывает на мероприятиях, инициированных Преображенским братством, возникало ощу-

Мне не кажется, что Акция национального покаяния – это разовое мероприятие, которое имеет смысл торжественно завершить вместе с окончанием 2017 года. Сто лет страдали, неужели мы так коротко собираемся каяться?

шение безусловной солидарности (по выражению Ольги Седаковой) тех, кто здесь собрался, с другой стороны, были возможны разные взгляды, многообразие мнений. При этом я не слышала ни одного выступления, из которого следовало бы, что революция – это хорошо, ни одной положительной оценки событий 1917 года. И слава Богу, не услышала таких модных теперь обтекаемых, невнятных формулировок. Никто не говорил, что завоевания ударных пятилеток могут быть оправданы «некоторым количеством жертв и “перегибов”».

Замечательно, что этот развёрнутый диалог состоялся. Думаю, он не должен прерываться. Мне не кажется, что Акция национального покаяния – это разовое мероприя-

тие, которое имеет смысл торжественно завершить вместе с окончанием 2017 года. Сто лет страдали, неужели мы так коротко собираемся каяться? Тем более что готова к этому непростому внутреннему акту очень узкая прослойка в нашем обществе и людям необходимо ещё очень многое для себя понять.

Умолчание, которого тоже немало в связи с этой датой, в данном случае – тоже ложь. Потому что минувшее столетие – это слишком кровавая история, чтобы просто о ней не вспоминать, аккуратно обойти и «перевернуть страницу»... Слишком драматически расколото сегодня общество. Сто лет – немалый срок, но, как ни странно, всё ещё очень близко и очень остро. **КФ**

Общение продолжалось и во время трапез

Для полноты оценок всегда требуется время

Интервью с профессором священником Георгием Кочетковым,
ректором Свято-Филаретовского института

Беседовала Александра Колымагина

Священник Георгий Кочетков и Никита Владимирович Благово, директор музея истории школы Карла Мая

Оправдала ли конференция Ваши надежды? Если я правильно помню, Вы надеялись, что будет положено начало созданию концепции, достижению общего взгляда на события столетней давности и последующие?

В целом – да, оправдала. Хотя я, конечно, не думаю, что мы решили все вопросы и у всех сложилось общее единое концептуальное видение событий, происходивших сто лет назад. Но мы всё-таки обсудили основные вопросы в целом на достаточно высоком уровне. Поэтому я считаю, что надо просто продолжать эту работу.

Конечно, нельзя сказать, что всё происходило одинаково хорошо. Наряду с выдающимися докладами и обсуждениями были и какие-то выступления, работавшие, может быть, на снижение тона. Так что у меня немного сложное впечатление: нет восторга и полного удовлетворения, но то, что много, много удалось сделать, – это верно.

Что Вам самому показалось наиболее важным и интересным? Что было «вершиной»?

В целом общий уровень дискуссий и докладов был очень высок. И атмосфера была очень открытой и доброжелательной, даже между людьми, которые представляли разные позиции и разные точки зрения. Не было озлобления, не было никакой маргинальности – вот что важно. А из обсуждений я бы выделил то, что происходило во второй день конференции, завершившийся замечательной дискуссией о революции, её причинах, корнях и её последствиях. Важным было также обсуждение перспектив в третий, заключительный, день, когда мы вместе размышляли, что надо теперь делать для того, чтобы все негативные последствия последнего столетия в нашей стране, в нашем народе, в нашей церкви можно было преодолеть, чтобы можно было выйти из этого тупика.

Остались ли, на Ваш взгляд, поставленными, но нерешёнными какие-нибудь вопросы, как некая «заноза»?

Я думаю, что «заноз» ещё много. На десятилетия вперёд есть ещё, чем заниматься, что делать, причём не только в многочисленных «деталях» и «частностях», но и в каких-то важных, центральных вопросах. И я говорил об этом на конференции. В первую очередь мы не коснулись проблемы страха, его духовных основ и духовных последствий именно в связи с революцией и событиями после неё. Мы не коснулись проблемы предательства. Это важная духовная характеристика. Ею иногда злоупотребляют, но, тем не менее, эта проблема существует, и она должна обсуждаться в каком-то живом и содержательном контексте. И мы практически не коснулись вопросов, которыми тоже часто злоупотребляют, но которые нельзя обойти, – вопросов национальных, включающих влияние национализма, а также национальных противоречий и проблем на процессы, происходившие в 1917 году. Особенно, конечно, это касается еврейского вопроса, который

Центральным событием второго дня конференции стала дискуссия «Духовные итоги революции»

Не было озлобления, не было никакой маргинальности – вот что важно. А из обсуждений я бы выделил то, что происходило во второй день конференции, завершившийся замечательной дискуссией о революции, её причинах, корнях и её последствиях

у нас тоже прозвучал, хотя и очень кратко. Его совершенно необходимо разрабатывать, иначе нас захлестнут мифы с той и с другой стороны, и это может привести к плохим последствиям. Вспомните, как злоупотребляли этим нацисты – они могли превратить это в антисемитизм, в геноцид, во что угодно. С другой стороны, мы не должны забывать, что последствия событий 1917 года – это геноцид прежде всего русского народа, тотальное уничтожение русской церкви, русской страны, её развал, в чём отнюдь не последнюю роль сыграли именно евреи.

МЫ НЕ ДОЛЖНЫ ЗАБЫВАТЬ, ЧТО ПОСЛЕДСТВИЯ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА – ЭТО ГЕНОЦИД ПРЕЖДЕ ВСЕГО РУССКОГО НАРОДА, ТОТАЛЬНОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ, РУССКОЙ СТРАНЫ

Этих вещей мы не касались, они остались пока ещё только обозначенными в каких-то основных своих направлениях, но до конца не обсуждёнными. Ну, и в конце ещё назывался вопрос о масонстве, мы его тоже почти что не касались. Тут тоже есть о чём говорить, особенно если иметь в виду февральскую революцию. И это тоже горячие вопросы, которыми легко злоупотребить. Тем не менее, они существуют. И их надо исследовать, так как они недостаточно исследованы. Отрицать-то всё легко, а вот сказать что-то реальное об этих вещах никто пока что не может.

В настоящее время в большинстве подобных тем сплошь господствуют мифы – именно потому, что эти вещи всерьёз не продуманы и не проговорены до конца. А иногда (и даже довольно часто) создаётся впечатление, что дело национального покаяния – это вообще дело только русских. А людям не русским это как будто вообще не нужно, это их как будто и не касается. Я с этим встречаюсь слишком часто и считаю, что это большая проблема. Даже украинцы и белорусы ныне утверждают подобное, особенно увлечённые идеями собственного национального возрождения, что уж говорить о молда-

ванах, о жителях Кавказа, Прибалтики и Средней Азии... Можно вспомнить и Польшу с Финляндией.

Каким Вы видите место этой конференции в ряду тех многочисленных конференций, которые проходили в этом году и в России, и за рубежом?

Конечно, попыток осмыслить трагические события 1917 года было много. Но, на мой взгляд, на этом пути можно было продвинуться гораздо серьёзнее. Это жаль, потому что всё-таки столетие было очень важным поводом для такого рода работы. Надеюсь, что наша конференция смогла здесь внести свой уникальный вклад. Подобных конференций никто нигде не проводил, и я думаю, что удалось сделать что-то действительно существенное.

Было приятно узнать о конференциях в Германии и во Франции, посвящённых этим темам. Но пока что у нас мало сведений о них, и мы не знаем их итогов. Те отзывы об этих конференциях, которые мне приходилось слышать, наталкивают на мысль, что они как раз основных концептуальных вопросов не решили. Да, там есть консенсус, но очень невыверенный. И я не уверен, что с ним можно будет согласиться во всех его основных положениях, потому что подход западных учёных – и это подтвердил Николай Николаевич Смирнов, – не обеспечивает полноту анализа происшедших событий. Вот один из примеров: всё происшедшее в 1917 году в России рассматривалось там исключительно как русское явление, как только русская революция. Это, конечно, очень устаревший концепт.

Ещё одна проблема, касающаяся и отечественных, и зарубежных конференций: я пока что не слышал о попытках проникнуть в ходе этих обсуждений в дух и смысл событий столетней давности, постараться достичь полноты взгляда. Я, конечно, не историк и не специалист, но из каких-то общих культурологических и духовных впечатлений могу сказать, что наша конференция в этом отношении была одним из самых интересных событий. Хотя, конечно, поживём – увидим. Для полноты оценок всегда требуется время. **КФ**

Концепция патриарха Тихона

Интервью с профессором В.М. Лавровым,
главным научным сотрудником Института российской истории РАН,
преподавателем Николо-Угрешской православной духовной семинарии

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная

Как Вы думаете, каковы перспективы рождения общей исторической концепции октябрьских событий 1917 года?

Такая концепция есть! Для нас, православных верующих, нет большего авторитета, чем патриарх, который был в то время, – патриарх канонизированный, святой. Подробно о его видении рассказывается в моей статье «Октябрь и Гражданская война в осмыслении святого патриарха Тихона»¹. В двух словах скажу, что патриарх очень критически относился к социалистической революции, говорил, что она, подобно Вавилонской башне, достроена не будет и рухнет, что рухнут Советы, советская власть. Так в конечном счёте и произошло. Святой патриарх говорил это 1 января 1918 года в храме Христа Спасителя. Послушали бы его – не было бы ни гражданской войны и красного террора, ни насильственной коллективизации и ГУЛАГа. Не послушались. А он очень глубокий человек – духовно глубокий и при этом прекрасно образованный. Он видел, что коммунистическую утопию невозможно осуществить, что пытаться сделать это можно только небывалым в истории страны насилием. Поэтому он и выступил против насилия – против расстрела мирной демонстрации в поддержку Учредительного Собрания².

Патриарх сказал, что за захватившими власть стоят сатанинские силы, и подверг анафеме тех, кто расстреливает. Имён он не называл, но всем было понятно, что за разгоном Учредительного Собрания стояли те, кто захватил власть, – большевики. Это значит, что вождь большевиков – Ленин – анафематствован святым патриархом Тихоном. Вот вам отношение, до которого ещё надо иметь мужество духовно дорасти. Мы не все до этого доросли. Патриарх даёт ответы на очень многие во-

Владимир Михайлович Лавров

просы: например, он осуждает Брестский мир – потому что ну что это за мир, в результате которого мы отдали Украину, Белоруссию, Прибалтику? И до этого мы дорастаем очень постепенно. Не так давно президент Путин в Совете Федерации сказал, что этот мир был изменой Родине. Правильно сказал. Но в учебниках этого нет – там не пишут так, точно и честно, что это государственная измена, хотя можно было бы президента цитировать. Это очень сложный процесс познания, потому что прошло-то (если считать от 1991 года, когда произошло отстранение КПСС от власти) всего лишь 26 лет. А сколько лет Моисей водил еврейский народ по пустыне? Сорок лет. Почему столько времени? Потому что требовалась смена одного-двух поколений, которые привыкли к египетскому плену, к рабству. В Землю обетованную должны были

¹ См.: Лавров В.М. Православное осмысление ленинского эксперимента над Россией. М.: Духовное просвещение, 2017.

² 5 января 1918 года, в единственный день работы Учредительного Собрания, прошли многотысячные манифестации в его поддержку; они были разогнаны. По разным данным, в этих манифестациях в Петрограде участвовало от 10 до 100 тысяч человек, погибло при

разгоне, по разным сведениям, от 21 человека (по официальным данным) до сотни, среди погибших были эсеры Е.С. Горбачевская, Г.И. Логвинов и А. Ефимов. Ранены были сотни человек. При разгоне демонстрации в поддержку Учредительного Собрания в Москве было убито (по официальным данным) более 50 человек, ранено – более 200.

Я думаю, что патриарх Тихон, останься он жив, не пошёл бы ни в каком случае (в отличие от митрополита Сергия (Страгородского), будущего патриарха) на то, чтобы органы госбезопасности решали – кому быть иерархом, кому не быть

прийти люди, не привыкшие к игу египетскому. У нас же очень многие – десятки миллионов людей – привыкли к брежневскому времени, даже испытывают ностальгию по сталинско-брежневским временам. А сейчас смена одного-двух поколений – это даже не сорок лет, а намного больше. Так что надо отдавать себе отчёт, что мы – в переходном периоде. Однако мы, как всегда, хотим сразу шагнуть в светлые времена. Но так не получается. Поэтому идём в том числе небольшими шажками. И конференция сегодняшняя – это тоже шагок. Вот так, общими усилиями и всем миром, глядишь – и дойдём.

А как Вы относитесь к тем разночтениям, которые существуют по поводу отношения патриарха Тихона к советской власти? Некоторые историки считают, что политика митрополита Сергия имеет корни в тех компромиссах, на которые в конце своего жизненного пути шёл патриарх Тихон, – среди них был профессор Д.В. Поспеловский, сегодня эту позицию занимает про-

фессор О.Ю. Васильева. Получается, что нет единомыслия даже среди историков, занимающихся этими проблемами.

Ольга Юрьевна Васильева является последовательницей одного из идеологов псевдоправославного сталинизма Н.Н. Лисового. Она считает, что в истории Церкви было «золотое десятилетие» с 1943 по 1953 год³. Однако в действительности страшные антицерковные репрессии возобновлены в 1948 году, и это не «золотое десятилетие», а «тьма века сего», говоря словами святого патриарха Тихона, сказанными ещё 19 января 1918 года.

При этом патриарх Тихон отказывался благословить Белую армию, считая, что народ настолько болен большевизмом, что быстро избавиться от этой болезни не получится. Но всё, что он говорил, произносилось с антибольшевистских, антиленинских позиций. Поэтому он и вызывал ненависть и угрозы; его арестовывали, чекисты ему грозили отрубить голову. В конце концов он пошёл на некоторые компромиссы с существующей властью – когда стало очевидным,

что она надолго. Компромисс был таким: поступайте как велят власти, но только если это не противоречит основным представлениям христианским. Оговорка была сделана очень серьёзная. И я думаю, что патриарх Тихон, останься он жив, не пошёл бы ни в каком случае (в отличие от митрополита Сергия (Страгородского), будущего патриарха) на то, чтобы большевистские органы госбезопасности решали – кому быть иерархом, кому не быть⁴.

То есть явные документы, принадлежащие патриарху Тихону и митрополиту Сергию, могут быть более или менее близки по стилистике, но вот неявные договорённости патриарх Тихон не допустил бы?

Он пошёл навстречу власти. Власть – это реальность, она укрепилась, и ясно, что надолго. Что делать? Можно было героически погибнуть, и, конечно, он был на это способен. Но дальше что? Это очень сложный и ответственный выбор. Не дай Бог оказаться перед ним. И у митрополита Сергия тоже был тяжелейший выбор, когда ему говорили: скажи

³ Имеется в виду фрагмент интервью О.Ю. Васильевой «Хрущёв и Церковь»: «Сталин в военные и послевоенные годы, можно сказать, реабилитировал Церковь. 1943–1953 годы – это золотое десятилетие отношений Церкви и государства, как бы парадоксально это ни звучало. Никогда ни до, ни после в XX веке таких отношений – взвешенных, понятных обеим сторонам – не было. Государству понятно было участие Церкви в войне, в послевоенной жизни; понятно было, как она воспринимается общественным сознанием». Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/86664.html>.

⁴ Напоминаем читателям, что патриарх Тихон перед кончиной назначил местоблюстителем патриаршего престола митрополита Казанского Кирилла (Смирнова). В случае невозможности для него принять такие права и обязанности, они, согласно распоряжению, переходили к митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому); при неспособности последнего – их должен был исполнять митрополит Крутицкий Пётр (Полянский). В связи с тем, что в момент кончины

патриарха Тихона 7 апреля 1925 года митрополиты Кирилл и Агафангел находились в ссылке, патриаршим местоблюстителем стал митрополит Пётр. Хотя с декабря 1925 года вплоть до расстрела в 1937 году он постоянно находился в заключении и в ссылках и выполнять обязанности местоблюстителя не мог, в храмах Московской Патриархии поминалось его имя. Но фактически обязанности местоблюстителя на основании распоряжения митрополита Петра выполнял митрополит Сергей (Страгородский). По воспоминаниям современников, трагическая судьба всех трёх местоблюстителей была связана с тем, что они отказались заключить негласный договор с органами госбезопасности: увольнять и назначать архиереев по распоряжению ОГПУ–НКВД–КГБ, делая вид, что причины этих перемещений – сугубо церковные. То, что судьба митрополита (с 1943 года, с момента «второго восстановления патриаршества» – патриарха) Сергия сложилась иначе, неизбежно вызывает предположение, что он такой тайный союз заключил.

публично, что нет репрессий, или мы расстреляем иерархов, которые сидят в лагерях. Оказаться на месте митрополита Сергия – тоже не дай Бог. Такой драматичный путь мы прошли, что ж поделаешь? Слава Богу, из этого вышли, выходим, сейчас можем свободно об этом говорить.

Я встречаю немало молодых людей – родившихся в 1980-х, выросших после 1990-х, – которые активно защищают советский, в том числе сталинский, период. Как это можно объяснить? И приходилось ли Вам встречаться с молодыми людьми, которые действи-

тельно содержательно готовы относиться к тому, что происходило в 1917 году, – может быть, в связи со столетием?

Что касается увлечения молодёжи социализмом, даже сталинизмом, то это всё-таки явления того переходного периода, о котором я говорил. И это протест против сегодняшних нестроений, против стагнации, которая не только в экономике, но и в мировоззренческой сфере.

Я преподаю в светском вузе и наблюдаю большой интерес студентов к Николаю II – прежде всего к его семье. У ребят и девушек разные политические взгляды, но все они хотят быть счастливыми, все хотят настоя-

щей любви, поэтому когда начинаешь рассказывать о Николае Александровиче и Александре Фёдоровне – Аликс, то слышно, как муха пролетает. Значит, всем это интересно. А заодно я рассказываю им, что представляла собой в то время Россия, как император руководил страной.

В семинарии уже другие ребята – верующие (в светском вузе, я думаю, подавляющее большинство неверующих), и мы с ними очень многое обсуждаем абсолютно открыто, откровенно. У них тоже разные точки зрения. Но я вижу, что когда они будут рукоположены, вокруг каждого образуется небольшой островок хороших людей. На них моя надежда. КФ

Кроме пленарных заседаний и тематических секций на конференции прошли вечер воспоминаний, а также музыкальная, историческая и художественная гостиные

«И свет во тьме светит, и тьма не объяла его»

Ровно в тот день, когда исполнилось сто лет со дня октябрьского вооружённого переворота, в Москве прошёл концерт-воспоминание, стремившийся трезвенно и правдиво передать атмосферу октября 1917 года и наше отношение к нему

Александра Колымагина

Мы уже не раз писали о таких концертах. Их было несколько, и проходили они в разных городах. На них читали стихи поэтов Серебряного века и воспоминания, исполняли классические музыкальные произведения и народные песни, стремясь оглянуться на ту, потерянную и потерявшуюся в страшных событиях минувшего столетия Россию.

Но этот концерт был особенным. Он начался со спектакля.

Спектакль (сам по себе состоявший из стихов и дневниковых записей) был, на мой взгляд, пронзительным и прекрасным, пронизанным обращёнными к нам, сегодняшним, вопросами («Правда – где?» «А нам куда идти?»).

В чём-то он ответил мне на вопрос, насколько потомуки русской эмиграции переживают трагедию 1917 года как свою. Режиссёр спектакля – Григорий Лопухин, внук бессменного редактора «Вестника РХД» Никиты Струве, а значит, праправнук известного деятеля Освободительного движения, а потом – члена боровшегося с большевиками «Национального центра» П.Б. Струве. В своём интервью медиапроекту «Стол» режиссёр предупреждал будущего зрителя, что не даст оценок, ничего не скажет от себя. Но создать такой спектакль, не переживая наряду с автором сценария – Юлией Балакшиной – всё, о чём в нём говорится, глубоко и целостно, было, на мой взгляд, невозможно. Слова и музыка органично дополняли друг друга: трагические мелодии сопровождали текст без диссонанса и надрыва там, где нужно и насколько нужно, и светлые ноты духовных песнопений звучали именно тогда, когда вопрос требовал этого неявного ответа.

Лейтмотивом спектакля было несколько раз звучавшее в нём написанное предположительно в 1919 году стихот-

Театральная постановка «Октябрь 1917»

ворение Николая Гумилёва «Заблудившийся трамвай». Оно было одновременно обращено к уже в полную силу проявившему себя недавнему прошлому:

*Мчался он бурей тёмной, крылатой,
Он заблудился в бездне времён...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон!*

И – пророчески – к ожидающей поэта всего через два года трагической гибели и к будущей и уже свершающейся судьбе России:

*Вывеска... кровью налитые буквы
Гласят: «Зеленная», – знаю, тут
Вместо капусты и вместо брюквы*

Последним из музыкальных номеров было выступление хора храма Святителя Николая в Толмачах

*Мёртвые головы продают.
В красной рубашке, с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими
Здесь, в ящике скользком, на самом дне.*

Но, может быть, страшнее оказалось обращение не к трагическому, и всё-таки подлинному прошлому, а к той искусственной реальности, к нарисованному миру социализма, в котором жили и в который часто верили те, кто из 1967 года отправил запечатанные в ампулах послания на 50 лет вперёд, к году столетия революции. Когда звучали слова этих писем, было пронзительно жалко людей, искренне веривших в ложную (и вскоре саморазрушившуюся) картину мира...

Вторая, музыкальная часть концерта тоже содержала в себе в какие-то моменты очень тяжёлое, но постепенно становившееся ясным послание.

Начавшаяся с написанного в 1912 году «Вокализа» Рахманинова – с воспоминания о не только дореволюционной, но и довоенной России – она провела слушателя через погружение во тьму. Эта тьма, которая неизбежно отразилась в творчестве композиторов, пришедших к православию в глухие советские годы (Арво Пярта, Эдисона Денисова, Софьи Губайдулиной), была настолько ощутимой, что кто-то из слушателей, по их собственному признанию, хотел во время этой части концерта «выйти в фойе и закричать». Противоречие между страшным серым зданием отравившего страну ГУЛАГовского террора, а позднее застойного лицемерия и цинизма – и «улыбчивым», приставленным к этому зданию-тюрьме «пряничным» фасадом развитого социализма, то противоречие,

которого не видели или, в лучших традициях оруэлловского двоемыслия, не позволяли себе замечать авторы бодрых посланий из 1967 года, не могло не явить своё безобразие во всей его тягостности через творчество ищущих и искренних людей. И не случайно третье, последнее из этих произведений – «De profundis» («Из глубины») Губайдулиной сопровождалось двумя цитатами из Писания, высветившимися сквозь темноту зала на экране:

*«Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли»
(Быт 4:10).*

«И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин 1:5).

Они призваны были поддержать слушателей и помочь им вновь выйти к свету духовных песнопений, исполненных хором храма Святителя Николая в Толмачах, – «Ныне отпускаеши» (из «Всенощной» Рахманинова) и двух хоров из музыки Георгия Свиридова к трагедии А.К. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович»: «Покаянный стих» и «Святая любовь».

Уже после концерта, обсуждая его с многочисленными слушателями (огромный зал Московской государственной академической филармонии был полон), я слышала очень разные отзывы. Не все были вполне единомысленны со мной: кто-то спотыкался о те или иные мелкие погрешности исполнителей, кто-то не поддерживал «тёмную» часть музыкальной программы. Но никакие разночтения в восприятии не смогли поколебать моё собственное впечатление. Этот концерт действительно смог внятно и очень проникновенно исполнить ту самую задачу, которую брал на себя: правдиво передать атмосферу октября 1917 года и наше отношение к нему. И не только наше, но и отношение других поколений, заставших ушедшее столетие. **КФ**

Свято-Филаретовский институт вступил в год своего тридцатилетия

Вечером первого декабря прошёл очередной Актный день СФИ

Раздничная встреча традиционно началась с оглашения приветствий, которые в адрес института прислали Патриарший наместник Московской епархии митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, председатель Синодального отдела религиозного образования и катехизации митрополит Ростовский и Новочеркасский Меркурий, председатель Синодального миссионерского отдела митрополит Белгородский и Старооскольский Иоанн, председатель Учебного комитета архиепископ Верейский Евгений, епископ Губкинский и Грайворонский Софроний, ректор Русской христианской гуманитарной академии профессор Дмитрий Кириллович Богатырев, а также попечители СФИ.

Дмитрий Сергеевич Гасак

Вслед за этим первый проректор СФИ Д.С. Гасак подвёл итоги минувшего года. Среди его важнейших событий он отметил:

- получение аккредитации на осуществление магистерской программы «Современная православная теология и катехетика»;
- получение научным журналом СФИ «Свет Христов просвещает

всех» статуса рецензируемого журнала ВАК;

- открытие разработанной усилиями кафедры Церковно-исторических дисциплин программы дополнительного профессионального образования «История Русской православной церкви в XX веке», а также разработку проекта этой программы магистерского уровня.

Расширился Попечительский совет СФИ: в него вошли крупнейший российский физик-теоретик, автор работ по гравитации и космологии, один из создателей современной теории рождения Вселенной – теории инфляции академик Алексей Александрович Старобинский, известный православный богослов, библиист, участник экуменических, миссионерских и образовательных инициатив профессор Петрос Вассилиадис и генеральный секретарь Общины св. Эгидия профессор Адриано Рокуччи.

В 2017 году Свято-Филаретовский институт выступил учредителем и соучредителем многочисленных конференций. Вот их неполный перечень: «Православные братства в дореволюционной России: приоритеты деятельности», «Евхаристическая экклезиология сегодня: восприятие, воплощение, развитие», «Алексей Степанович Хомяков: философ, богослов, поэт», «Соборы 1666–1667 годов и их последствия для русской церковной жизни», «Духовные итоги революции в России: коллективный человек и трагедия личности». Важным событием стала секция XXV Международных Рождественских образовательных чтений «Миссионерское богослужение», посвящённая вопросам церковной проповеди; провели её Синодальный Миссионер-

ский отдел и Свято-Филаретовский институт.

Институт не только приглашал гостей и участников на свои конференции: его профессора и преподаватели выступали с докладами на международных и российских научно-богословских конференциях. Вот лишь немногие из них: «Патриарх Тихон (Беллавин): вызовы времени и церковные ответы на них» (ТДС), «Религия и Русская Революция» (РАНХиГС), «Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки» (СПбДА), «Иеронимовские чтения» (ОЦАД).

Участвовали в научных конференциях и студенты (а также выпускники) СФИ – в ежегодном форуме студентов, аспирантов и молодых учёных МГУ «Ломоносов – 2017», в X Молодёжном научном форуме Смоленской духовной семинарии «Вера и наука: от конфронтации к диалогу», в ежегодной Международной богословской конференции ПСТГУ, в студенческой конференции «Христианские ценности в культуре современной молодёжи», в региональных этапах Рождественских образовательных чтений и во множестве других форумов в разных городах – Твери, Петербурге, Кишинёве, Горно-Алтайске.

На бакалавриате и магистратуре богословского факультета СФИ сегодня обучаются 245 человек из 29 городов России, Беларуси, Болгарии, Молдовы, Латвии, США и Германии; в минувшем году 28 выпускников успешно завершили своё обучение. На двухгодичных и одногодичных программах факультета религиоведения учатся 34 человека; в минувшем году завершили обучение на этом факультете 25 выпускников. **КФ**

Так что это было?..

В течение уходящего 2017 года прошло около полусотни конференций, посвящённых столетию трагических событий 1917 года в России. Более тридцати из них – в последние три месяца

Конференции эти были очень разными. От масштабных форумов, собиравших почти полтысячи учёных, как конференция в МГУ в конце марта, до камерных встреч, где тему обсуждали «несколько историков и политиков» (как в мэрии Новосибирска), от сугубо отечественных до международных, многоязычных. Так, например, по свидетельству докладчиков, участвовавших в конференции «Религия и Русская революция» в Российской академии народного хозяйства и государственной службы в Москве 26–28 октября, и на заседаниях, и в кулуарах царило настоящее двуязычие: все легко переходили с русского на английский и обратно. Что же говорить о конференциях, прошедших в Йене¹, Будапеште, Бонне, Канберре, Лондоне, Париже, Стокгольме, Тромсё², Афинах и Стамбуле?

Конечно, немислимо сейчас дать хотя бы краткую характеристику этим многочисленным обсуждениям.

Однако из посвящённых конференциям материалов и из немногочисленных личных впечатлений вырисовывается довольно странный образ: во время докладов и обсуждений царило внимание к деталям или, наоборот, пристрастие к масштабным, но идеологизированным схемам. Историки чаще страдали вниманием к подробностям при отстранённости от общей картины – тем более что такой общепринятой картины пока что и не существует. Политики склонялись к схемам самых разных знаков и оттенков – от небольшевистских до ультралиберальных. Конечно, это немного «журналистский» взгляд, поэтому на следующих страницах читатели смогут познакомиться с мнением профессионала; но как бы то ни было, с тем, что единой исторической концепции событий 1917 года в результате всех этих бесконечных конференций пока не сложилось, согласны все. **КФ**

¹ В Германии.

² В Норвегии.

Сложится ли картина из фрагментов мозаики

Интервью с профессором Николаем Николаевичем Смирновым,
директором Санкт-Петербургского Института истории РАН

Беседовали Александра Кольмагина, Анастасия Наконечная

Н.Н. Смирнов

Вы участвовали во множестве конференций, посвящённых осмыслению событий 1917 года, и в России, и за рубежом. Не могли бы Вы сказать, что в них было, на Ваш взгляд, самым важным, центральным?

Что касается зарубежных командировок, то здесь наиболее важным был контакт с исследователями из Франции и Германии, которые занимаются изучением истории России. В ходе диалога стало ясно, что позиций, которые нас объединяют, гораздо больше, чем тех, что разъединяют. Есть сюжеты, на которых мы никогда не сойдёмся, всегда будем стоять по разные стороны баррикад, но

ЕСТЬ СЮЖЕТЫ, НА КОТОРЫХ МЫ НИКОГДА НЕ СОЙДЁМСЯ, ВСЕГДА БУДЕМ СТОЯТЬ ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ БАРРИКАД

большая часть сюжетов, процентов 90 – это то, что даёт нам повод говорить о согласии.

Что касается внутрироссийских конференций – а кроме конференции, проходящей здесь, в Подмоскowie, я участвовал в конференциях в Твери, в Москве, в Санкт-Петербурге, в Красноярске – то я сказал бы, что у российских исследователей, к сожалению, разность в осмыслении одной и той же проблемы всё ещё ощущается очень сильно. И надо проделать определённый путь для того, чтобы сблизить научные позиции и в конце концов прийти к какому-то консенсусу, что означает не столько однозначное решение той или иной проблемы, сколько близость осмысления того, что происходило в то или иное время, оценок того или иного события.

У РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ, К СОЖАЛЕНИЮ, РАЗНОСТЬ В ОСМЫСЛЕНИИ ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЁ ЕЩЁ ОЩУЩАЕТСЯ ОЧЕНЬ СИЛЬНО

Перед одной из конференций, проходивших в этом году в Москве, заявлялась такая позиция: мы хотим максимально абстрактно рассматривать эти события, так, чтобы вопрос: «Вы за красных или за белых?» звучал примерно так же, как и вопрос: «Вы за персов или за греков?» Нам же кажется, что невозможно отвлечься от нравственной оценки тех или иных событий, тех или иных сил, тех или иных позиций. Мы не можем отвлечься от того, что, скажем, большевики вели себя за пределами безнравственно – даже на фоне всех остальных сил, которые тогда существовали.

Никто не думал, что переосмысление советского исторического опыта уложится в прокрустово ложе двух-трёх лет, но оно уложилось. Потом появилась постсоветская историография со своими плюсами и со своими минусами. Вполне возможно, что как раз столетняя годовщина даст толчок к тому, чтобы единая историческая концепция событий 1917 года сложилась в ближайшее время

Я думаю, что абстрактно осмыслить то, что происходило в России в 1917 году, не получится никогда. Вот если изобрести робота, способного анализировать заложенную в него необходимую информацию, тогда он даст какой-то абстрактный вывод. Любой человек, любой исследователь ориентируется на своё понимание событий, которые происходили в то время.

Когда я говорил в своём докладе о том, что общество должно быть толерантным, я имел в виду, что исследователи не должны перегибать палку, не должны всё время искать в ситуации революционных событий 1917 года, кто более прав, кто более виноват. Для эпохи от марта к октябрю это не очень серьёзный вопрос. Ситуация менялась кардинально в течение суток. И поэтому сегодня были правы одни, завтра – другие и послезавтра – третьи.

Вопрос в том, что значит «правы»? Если мы считаем, что правы победители, и они дальше пишут историю, – это одна ситуация. Если мы говорим о нравственной правоте, это немного другая ситуация. И тогда, например, на мой взгляд, Корнилов, который готов отдать жизнь за Россию, – прав, а Ленин и Троцкий – нет. Присутствовал ли этот нравственный аспект в обсуждениях?

Конечно, присутствовал и присутствует! Но, к сожалению, в сегодняшних оценках того, что происходило когда-то, мы в значительной степени ориентируемся на тот опыт и те знания, которые получили уже после этих событий, за всё прошедшее столетие. И мы совершенно неспособны этот опыт и эти знания как бы немного отстранить и дать объективную оценку тому, что происходило на самом деле. Ведь как вы выбираете книгу для чтения? Вы выберете того писателя, который вам нравится, и отложите в сторону книгу писателя, который вам не очень симпатичен. Точно так же и в историческом процессе. Вы выбираете того исследователя, чьи позиции соответству-

ют вашему внутреннему убеждению. Но всегда ли этот исследователь и ваши внутренние убеждения правы в оценке того или иного исторического события? Я бы не сказал, что это всегда так.

Пока что в целом от происшедших в разных кругах в этом году обсуждений (не только конференций, но и всяческих вечеров и даже «музыкально-поэтических мистерий») возникает впечатление мозаики, которая не складывается в единую картину...

Да, это так. Хотелось бы, чтобы эта мозаика сложилась в более или менее определённую картину, чему моё сегодняшнее выступление и было посвящено. Я думаю, если мы это осознаем, то такая мозаика будет постепенно складываться. Я думаю, что первые шаги сделаны, и сегодняшняя конференция здесь, под Москвой, это показала.

К слову, сегодня очень востребованы доклады обобщающего характера. Меня приглашают в Уфу, в Новосибирск, в Красноярск с одной-единственной целью: дайте нам обобщение того, что уже имеется. Но сделать это очень сложно.

Единая концепция – это перспектива какого времени, как Вы думаете?

Сложно сказать. Никто не думал, что переосмысление советского исторического опыта уложится в прокрустово ложе двух-трёх лет, но оно уложилось. Потом появилась постсоветская историография со своими плюсами и со своими минусами. Вполне возможно, что как раз столетняя годовщина даст толчок к тому, чтобы эта мозаика сложилась в ближайшее время – может быть, в ближайшие 2–3–4 года. А может этого и не произойти, может быть, потребуется гораздо более длительный срок. **КФ**

Братский помянник

В декабре мы вспоминаем многих дорогих нам людей, среди которых с одной стороны – виднейшие церковные деятели и богословы XX века, а с другой – основатели и члены братств Ленинграда, Новгорода и Киева

2 декабря 1937 года были расстреляны наиболее близкие владыке Макарию (Опоцкому) члены его братства – Иван Пикин, священник Василий Козлов, Мария Александрова, Пётр Беляев

Более подробно о роли этих людей в жизни братства читайте в интервью с Александрой Будановой.

3 декабря 1937 года в Сандармохе был расстрелян священник Анатолий Жураковский

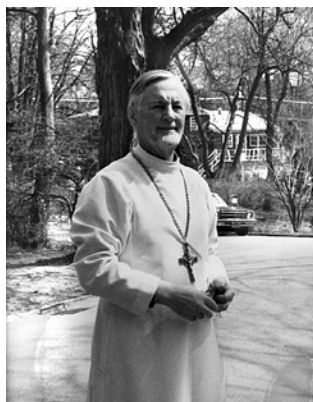
Отец Анатолий – основатель сестричества св. Марии Магдалины и братства свт. Иоанна Златоуста, возглавивший после кончины архимандрита Спиридона (Кислякова) киевское братство Святого Креста.

4 декабря 1966 года скончался протопресвитер Николай Афанасьев

Отец Николай поставил очень важные вопросы о границах Церкви и роли в ней мирян. Его исследования помогли связать опыт ранней Церкви и опыт современности. Он по праву считается основателем евхаристической экклезиологии.

13 декабря 1983 года скончался протопресвитер Александр Шмеман

Одним из главных дел о. Александра стало возвращение современных людей к духу и смыслу

литургии. Он стал не только последователем о. Николая Афанасьева, но и человеком, воплотившим в жизни Американской православной церкви положения евхаристической экклезиологии.

17 декабря 1937 года расстреляны две сестры из Александро-Невского братства – Кира Ивановна Оболенская и Екатерина Андреевна Арская

18 декабря 1990 года скончался протоиерей Василий Евдокимов

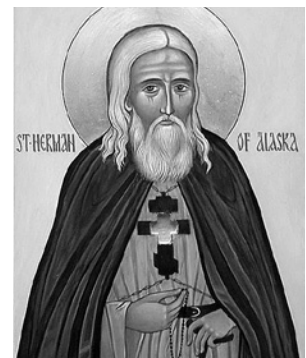
Он был членом маросейской общины оо. Алексиса и Сергия Мечёвых, духовным сыном архим. Бориса (Холчева). Был арестован в 1929 году, потом в 1933 году. Жил в Коврове, во Владимире, в 1954 г. переехал в Среднюю Азию по приглашению архим. Бориса (Холчева).

24 декабря 1980 года скончался протоиерей Георгий Ивакин-Тревогин

Отец Георгий тоже был членом маросейской общины. Арестован в 1928-м, потом в 1938 году, осуждён на 8 лет лагерей. В начале 1950-х годов с женой Валентиной Карловной переехал в Среднюю Азию. Служил в Андижане, потом в Ташкенте.

26 декабря – день памяти прп. Германа Аляскинского, одного из самых известных русских миссионеров

28 декабря 2012 г., через 75 лет после расстрела своего отца, скончалась Екатерина Ивановна Пикина

Она всю жизнь хранила братский архив и память о жизни Трудового братства владыки Макария (Опоцкого). **КФ**

Дни рождения

80 лет назад, 10 декабря 1937 года, родился академик Сергей Сергеевич Аверинцев – человек с тонким пророческим слухом

О нём можно сказать очень многое. Его называли рыцарем христианства и рыцарем культуры. А протопресвитер Виталий Боровой говорил: «Об Аверинцеве надо свидетельствовать, что он не только у Господа, но и по канонам древней церкви первых веков – святой». В глухие позднесоветские годы он стал свидетелем веры в той академической среде, для которой его слово не могло

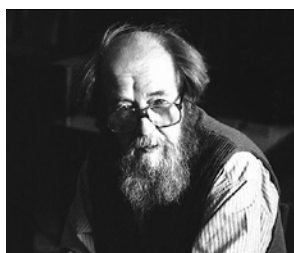
не быть авторитетным. И при этом он всегда оставался тихим, застенчивым, кротким – кроме разве что тех случаев, когда нужно было кого-то защитить.

С этой его последней чертой члены Преображенского братства столкнулись очень близко. В самые тяжёлые для братства времена Сергей Сергеевич Аверинцев отважно выступал в его защиту. И каждый раз во время телефонных звонков с тревогой спрашивал: «Ну как у вас... – и сам себя тут же поправлял: как у нас дела?» «Он хорошо понимал – и, к слову, открыто об этом говорил, – что ему как интеллигенту очень трудно быть в общине, в братстве, потому что он считал, как многие в то время, что “интеллигенты парами не ходят”, что нужно быть прежде всего личностью, а всё остальное приложится. Но, тем не менее, он как человек гениальный преодолел себя

и нашёл в себе силы стать реальным членом нашего братства и вкладывать в него очень много важного, ценного, перспективного, нюансированного, творческого, живого, духовного», – так вспоминал об этом священник Георгий Кочетков.

Одну из своих последних проповедей в часовне Свято-Филаретовского института Аверинцев посвятил теме Воскресения. Она заканчивалась словами: «Воскресший Христос, та полнота силы, та полнота чудотворства, которая не сохраняет уже ничего от скованности ритуальными правилами, полнота пророчества, в которой ничего не остаётся от сосредоточенности на одной мысли, – это сила, опыт, которые мы все имеем... Так вот: эта сила – сила, которая одна оправдывает всё серединное, половинное блуждание между правдой и немощью в нас, в земном сообществе, в земном братстве».

11 декабря 1918 года родился Александр Исаевич Солженицын

С 20 по 22 ноября в Петербурге проходила международная конференция «Писатель в неволе. Ссылка, каторга, тюрьма в творчестве А.И. Солженицына и мировой литературе». Открывая конференцию, директор Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН Всеволод Евгеньевич Багно сказал, что она посвящена началу юбилейного солженицынского года. В следующем декабре мы будем отмечать сто лет со дня рождения писателя.

Конференция началась с приветствия Н.Д. Солженицыной. Напомнив, что к своим тюремным и лагерным годам, к их осмыслению Александр Исаевич обращался до последних дней, она поделилась с участниками конференции несколькими его записями и воспоминаниями. Вот некоторые из них:

«Самым большим моим достижением тогда (во время заключения в Особом каторжном лагере в Казахстане. – *Ред.*) было, что я сочинял стихи не только при долгих переходах в рабочую и в жилую зону, в колонию (а то – повторяя написанное с помощью чётков в рукавице) – но уже и во время каменной кладки: когда ждал раствора, а то и когда клал. <...> Для этого очень свободная нужна была душа – и на лагерном дне именно такая была у меня, какой не может владеть придурок, каждый день ожидающий подкопа, интриги,

свержения. Именно на лагерном дне я обрёл себе самую большую свободу».

«...Душевное состояние у меня глубоко спокойное, физические лишения все меньше и меньше значат... Течение срока не вызывает во мне нарастающей радости, а только всё большее приятие в качестве жизненного правила мудрой русской пословицы: “Счастью не верь, беды не пугайся”».

«Когда к старости надо мной, как, вероятно, и над каждым человеком, сгрудились, стучились все грехи прожитой жизни и я в изнемогающих молитвах вспоминаю их и вспоминаю, я однажды с удивлением обнаружил такую особенность: они относятся ко всем временам моей жизни, кроме лагерных лет. На этом дне существования, лишённые всякой внешней свободы, мы обретаем возможность безгрешности». **КФ**

Тетрадоочка Екатерины Ивановны

Исследователи продолжают изучать архивные материалы, связанные с братством владыки Макария (Опоцкого)

Не так давно мы открыли в «Кифе» новую рубрику – помянник, в котором вспоминаем людей общинного и братского духа, закончивших свою земную жизнь в месяц выхода номера. И я заметила, что практически в каждом месяце мы вспоминаем кого-то из тех, кто связан с братством вл. Макария (Опоцкого). Например, в октябре я встретила несколько имён.

Александра Буданова, исследователь жизни Трудового братства, основанного епископом-катехизатором Макарием (Опоцким): Те, кто был расстрелян в октябре 1937 года – священники Михаил Твердынский, Алексей Успенский, – принадлежали к ближнему кругу общения, но в братство не входили. Их просто причислили к членам братства, потому что они проходили в 1933 году, за 4 года до последнего ареста и расстрела, по делу Трудового братства епископа Макария (Опоцкого). Оно в историографии стало известно раньше всех. По этому делу проходило очень много людей – и те, кто к братству имел отношение, и те, кто вообще не имел отношения, а просто попал в круг общения. Кого можно было взять по этому делу, тех и взяли. Это и священники, и миряне, женщины, мужчины. В обвинительном заключении могло быть написано, например: «разделял взгляды епископа Макария (Опоцкого), проводил а/с агитацию, оказывал материальную помощь пострадавшим от Советской власти». А у кого-то было написано: «...участник организации “Трудовое братство” совместно со священником Опоцким».

Многие из этих людей были расстреляны в 1937 году.

Сам же костяк братства был расстрелян 2 декабря 1937 года.

Где можно узнать результаты последних исследований об этом круге?

Самая последняя обнародованная информация находится во втором издании молитвослова «Избранные молитвы братства епископа Макария Опоцкого». Туда включены уточнённые сведения, которые были получены после просмотра всех следственных дел, имевших от-

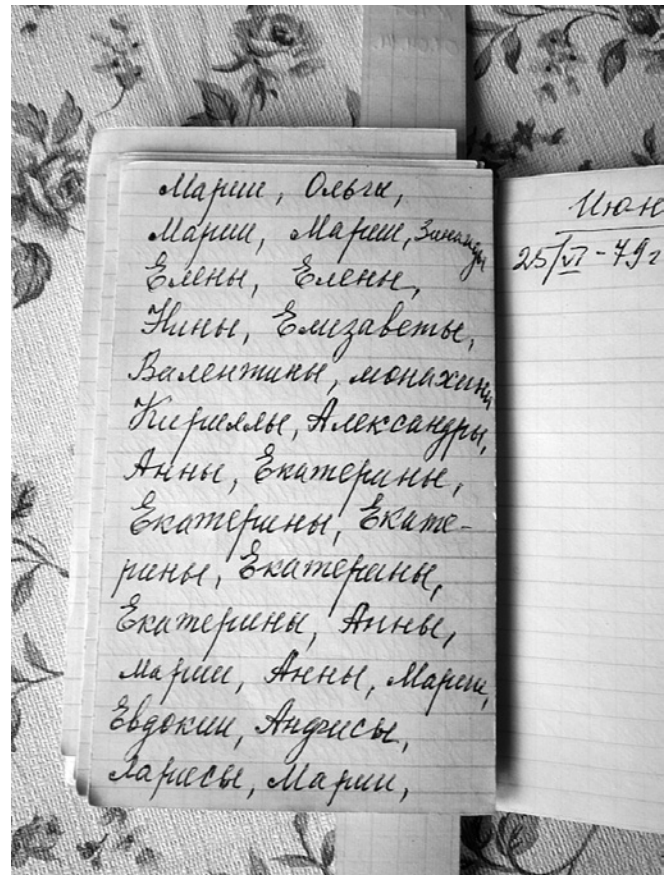
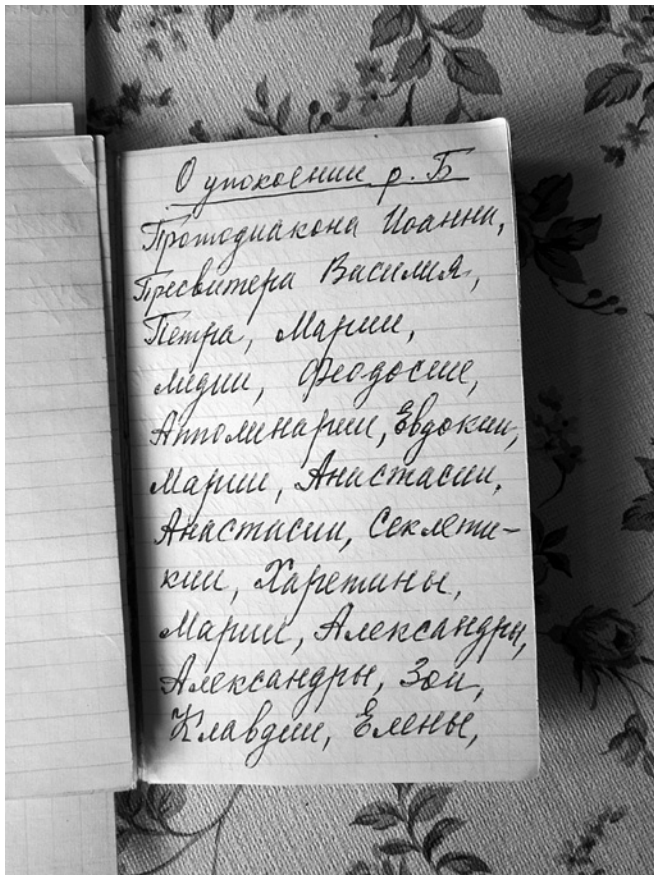
ношение к братству, и после многочисленных интервью с Екатериной Ивановной Пикиной, духовной дочерью владыки Макария. Она много помнила из истории братства, у неё хранился братский архив. Есть интервью и с её племянником, которому она много рассказывала и у которого этот архив хранится после кончины Екатерины Ивановны.

Были ли у Вас какие-то находки после этой публикации?

Существенных уточнений по поводу биографии владыки Макария вряд ли можно ожидать, потому что благодаря воспоминаниям Екатерины Ивановны удалось воссоздать картину фактически до последних дней его жизни. Официальные источники этой информации не могли дать, поскольку после 1937 года владыка был на нелегальном положении, и единственный источник – это устные воспоминания. Но поскольку найдена его могила и даты захоронения соответствуют тому рассказу, который передала Екатерина Ивановна, скорее всего, её рассказу можно доверять.

А что известно о ближайших людях владыки, тех, кто был расстрелян в декабре 1937 года?

По воспоминаниям Михаила Евгеньевича Брагина, внука Ивана Кирилловича Пикина, расстрелянного в 1937 году, вполне вероятно, что епископ Макарий среди своего ближайшего окружения видел именно его своим ближайшим помощником. Это нигде не подтверждено документально, хотя из материалов следственных дел видно, что Иван Кириллович следовал линии, которой придерживался владыка Макарий. Он действительно был верным учеником. Второй человек, расстрелянный в 1937 году, – Василий Александрович Козлов. Екатерина Ивановна Пикина сохранила помянник – тетрадоочку, где перечислены даты кончины всех членов братства, которых она знала. Там несколько десятков имён. И вот напротив фамилии Василия Козлова совершенно чётко написано: «пресвитер». Они и поминали его как священника. То есть, видимо, епископ Макарий, уже будучи на нелегальном положении, совершил тайную хиротонию.

Помяник Екатерины Ивановны Пикиной. Пресвитер Василий – тайно рукоположенный епископом Макарием (Опоцким) Василий Александрович Козлов (расстрелян 2 декабря 1937 года)

Это очень интересно. Такая хиротония была одна?

О других хиротониях мы не имеем сведений. Братья, составлявшие ближайшее окружение владыки, были расстреляны в 1937 году. Кроме Ивана Кирилловича и Василия Александровича это ещё и Пётр Алексеевич Беляев. Все эти люди жили в в одном доме, который принадлежал епископу Макарию,* – доме 7 на улице Советской.

Четвёртый человек, расстрелянный в Новгороде, – Мария Николаевна Александрова. Она была с 1936 по 1937 год старшей в братстве в Новгороде, несмотря на то, что она была женщиной. Вернувшись из ссылки в 1936 году, она фактически возродила братскую жизнь в Новгороде. Об этом есть свидетельство в показаниях дела: в Новгороде братство было с 1928 года, но в 1933 году, когда многих сослали, братская жизнь несколько замерла. И вот с возвращением Марии Николаевны жизнь возродилась. В Новгороде было три разных дома, где жили братчики. В показаниях есть свидетельство, что Мария Николаевна пользовалась очень большим авторитетом

* Епископ Макарий в конце лета 1937 года из Галича переехал в Новгород. Но в целях безопасности не стал останавливаться в своём доме, а поселился в другом доме, в котором жили члены

во всех трёх домах. Она тоже была человеком очень верным и бескомпромиссным, безупречно себя держала на допросе. В 1937 году под пытками многие признали свою вину, а она не признала и даже требовала, чтобы братство не называли «контрреволюционной сектой», всё время поправляла следователя.

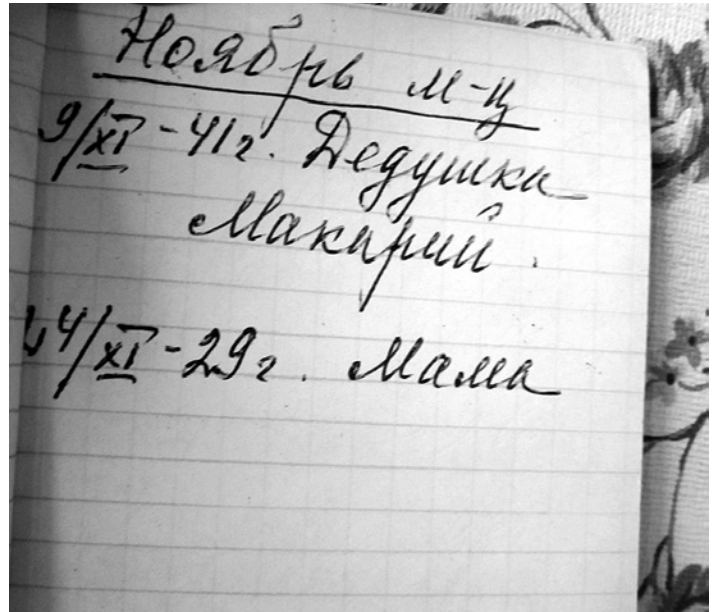
А где был владыка Макарий в то время, когда Мария Николаевна была старшей в братстве?

Он был сослан в 1933 году в Архангельск. В 1934 году его освободили, и он ушёл за штат, но в Новгород не вернулся. Он вернулся в Галич, где тоже было братство, которое собрали Покровские в 1928 году. И с 1934 по 1937 год он жил в Галиче, в доме, который ему предоставила Нина Михайловна Лебедева. Галичское братство было небольшое, там было восемь человек. И к владыке все приезжали в Галич за духовным руководством. А в Великом Новгороде Мария Николаевна была фактически заместителем владыки. В Череповце в это время тоже был братский круг, даже можно сказать – братство, но

братства – в доме в доме № 7 на ул. Среднеконюшенной. А братья жили в доме епископа Макария по адресу: ул. Советская, д. 7

Мария Николаевна Александрова, одна из старших в Новгородском братстве владыки Макария (Опоцкого) в 1936–1937 гг. Расстреляна в 1937 г.

«Дедушка Макарий» – основатель братства, владыка Макарий (Опоцкий)

кто там был старшим, не очень понятно. В следственных делах всё время называются разные люди.

А что говорили другие братчики на допросах?

В делах 1937 года свою вину почти все признали, кто-то полностью признал, кто-то частично. Екатерина Ивановна вспоминала, что они навещали в тюрьме её отца. Иван Кириллович держался, но его нельзя было узнать – настолько он был избит. У него были выбиты все зубы.

Сейчас продолжается большая дискуссия о доверии к следственным делам, о том, насколько их можно учитывать при принятии решения о канонизации. Что Вы об этом думаете как человек, много времени проработавший в архивах ФСБ?

Я столкнулась с фактом признания одного из дел фальсифицированным. В череповецком следственном деле 1937 года есть приложение 1941 года, где содержится заключение выездной сессии суда о том, что два следователя, ведших это дело, договорившись друг с другом, сочиняли показания, подписывая их за заключённых. По этим сфабрикованным показаниям были расстреляны два человека. Но ещё до того, как я увидела это приложение, я что-то заподозрила, потому что встречала очень странные показания, когда, например, полуграмотная крестьянка рассуждала об отношениях Гитлера с Японией.

Так что следственные дела – источник изначально спорный. Нужно сказать, это редкость, что я наткнулась на такое приложение. Факты фальсификации редко вскрывались. Просто в этом деле всё было слишком за-

метно. Так что безусловно доверять на 100% показаниям следственных дел без соотнесения с другими источниками нельзя ни в коем случае. Есть там вещи более или менее объективные – анкетные данные, например. Но брать устные воспоминания и тем более следственные дела как единственные источники для каких-то выводов категорически нельзя. Степень их достоверности крайне низка. Так, например, многие исследователи отмечают, что первый допрос сильно отличается от повторного. На первом допросе протоколист, как правило, фиксирует свидетельство, записанное живым языком. Например, ясно, что люди, близко друг с другом общаясь, называют друг друга «тётя Маша» и «дядя Ваня». На втором допросе тех же самых людей называют по имени отчеству, а вместо живого описания ситуаций идут заученные фразы со штампами – «контрреволюционная организация», «сборище». То есть что-то они дописывали, из чего-то, может быть, брали часть достоверного, а остальное приписали или переформулировали...

И последний вопрос: откуда в помяннике Екатерины Ивановны так много людей? Неужели все братские?

Там есть и родственники, но братчиков от родственников я отличаю. Я с удивлением обнаружила там сестёр из галичского братства. Я думала, что их Екатерина Ивановна не знала, а оказывается, она их поминала всю жизнь. Кстати, о владыке Макарии там написано: «9 ноября – дедушка Макарий». Вот так Екатерина Ивановна его поминала.

Трогательно очень.

Да. КФ

Неизвестные первые декреты советской власти

Закрытие неудобных большевикам изданий

При словах «первые декреты советской власти» читатели (особенно принадлежащие к старшему поколению) инстинктивно подумают, что это о земле и о мире. Однако мы будем говорить совсем не об этих украденных большевиками эсеровских лозунгах. Есть ещё один декрет, принятый в то же время, но стыдливо замалчивавшийся советской историографией. И это уже действительно собственный, истинно большевицкий декрет.

26 октября (по старому стилю), после того, как ночью большевиками были арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость члены Временного правительства, а Зимний дворец разгромлен и разграблен, в тот день, когда рано утром «II съезд Советов» (большинством социалистических партий охарактер-

изованный как «частное совещание большевиков»¹) провозгласил, что «вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...», постановлением Военно-революционного комитета были закрыты оппозиционные газеты: кадетские «Речь»² и «Современное слово», правоменьшевицкий «День», «Биржевые ведомости» и другие³. Их полиграфическая база была передана большевицким «Правде», «Деревенской бедноте» и «Солдатской правде». В типографии преуспевавшей «Копейки» стали печатать вновь созданную газету «Известия» (ставшую большевицкой)⁴. На следующий день, 27 октября, был издан Декрет о печати, в котором объяснялись действия ВРК и уточнялось, что закрытию подлежат «лишь органы прессы: 1) призывающие к откры-

тому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству (то есть захватившим накануне власть большевикам. – *Ред.*); 2) сеющие смуту путём явно клеветнического извращения фактов (те, кто читал в нашем октябрьском номере примеры бесконечного клеветнического извращения фактов большевиками, легко расшифруют этот пункт как «публикующие правдивую информацию о событиях, а не их переиначенную большевиками версию». – *Ред.*); 3) призывающие к деяниям явно преступного, то есть уголовно наказуемого характера (без комментариев. – *Ред.*)». При этом указывалось на временный характер запрета: «...настоящее положение... будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни»⁵.

Закончили своё существование в

¹ Крестьянские советы и все солдатские комитеты уровня армий отказались участвовать в деятельности съезда. Оппоненты большевиков обвинили их в многочисленных махинациях при подборе делегатов. 25 октября Всероссийский исполнительный комитет Совета осудил большевиков (но им как с гуся вода – тут же на этом подтасованном съезде выбрали новый, свой ВЦИК). В начале заседания меньшевики и эсеры осудили вооружённое выступление большевиков как «незаконный переворот» и покинули съезд (ушёл и бунд). После этого большевики и левые эсеры принимали решения только своим составом.

² До августа 1918 года выходила под названиями: «Наша речь», «Свободная речь», «Век», «Новая речь», «Наш век».

³ В тот день были закрыты «Петроградский листок», «Петроградская газета», «Новое время», «Новая Русь», «Живое слово», «Копейка».

⁴ До монополизации прессы общий тираж 75 большевицких изданий в 1917 году достигал 300 тысяч, значительно превосходя

многочисленные (85 наименований), но малотиражные издания других социалистических партий (не получавших в отличие от большевиков крупных денежных вливаний), хотя и не дотягивая до многотиражной, самой дешёвой и общедоступной газеты – «Русского слова», в 1917 году выпускавшейся тиражом свыше 1 млн экземпляров (с января по 6 июля 1918 года «Русское слово» выходило под изменёнными названиями – «Новое слово», «Наше слово», а в июле было окончательно закрыто).

⁵ Некоторые из закрытых газет действительно выходили, иногда скрываясь под разными названиями, непродолжительное время, пока к концу гражданской войны монополия правящей партии в сфере прессы не стала безусловной (это, кроме всего прочего, означает, что даже по её собственным меркам «нормальные условия общественной жизни» так и не наступили до конца 1980-х годов). Не все издания были закрыты именно в первый день советской власти: так, например, кадетский журнал «Вестник партии народной свободы» был закрыт только в апреле 1918 года.

период с 1917 по 1920 год и все религиозные издания. И если хоть какие-то из дореволюционных светских изданий всё-таки уцелели и продолжили своё существование (например, журнал «Вокруг света»), то религиозные издания были полностью истреблены. О том, как стремительно шёл процесс их ликвидации, можно судить по материалам трёхтомного библиографического исследования Синодальной библиотеки.

По материалам этого исследования, в 1917 году насчитывалось не менее 280 наименований религиозных изданий (не только православ-

ных), в 1918 году только 77, в 1919 году – 23, а в 1920 году – 3 («Архангельские епархиальные ведомости», выходявшие в Северной области, находившейся под властью Временного правительства и прекратившие существование в феврале 1920 года, сразу после поражения Белой армии; «Голос Толстого и «Единение»»; издание Академии наук «Христианский Восток»). Дальше – тишина (потом ещё мелькнёт в 1920-е годы несколько обновленческих журналов, но жизнь их чаще всего будет недолгой).

Даже если оставить в стороне неправомочность закрытия властью

оппозиционных изданий, остаётся гадать, что именно делали все эти сотни религиозных газет и журналов, в которых церковно-общественные и научно-богословские вопросы часто отступали на второй план, а главное место занимали общедоступные религиозно-нравственные статьи для назидательного чтения – «призывали к открытому сопротивлению», «сеяли смуту путём явно клеветнического извращения фактов» или «призывали к деяниям явно преступного, то есть уголовно наказуемого характера»?

Вопрос явно риторический... КФ

Деятели культуры – о диалоге с Церковью

Первая часть круглого стола «Опыт и проблемы взаимодействия Церкви и культуры сегодня. Перспективы диалога», прошедшего в дни фестиваля «Преображенские встречи»

Александр Копировский, кандидат педагогических наук, магистр богословия, профессор Свято-Филаретовского института, в прошлом – сотрудник Третьяковской галереи и музея имени Андрея Рублёва, соведущий круглого стола: Протоиерей Сергей Булгаков писал, что современная культура страдает от недостатка мистического питания. И я надеюсь, что на круглом столе мы сможем поговорить об этой проблеме всерьёз. Пусть в обсуждении будет всё, кроме банальностей: чтобы не казалось, что Церковь – с одной стороны (как будто всем понятно, что такое Церковь), а культура (как будто всем понятно, что такое культура) – с другой. Всё на самом деле не так. Можно говорить о «Церкви-Культуре». В этом смысле культура для Церкви – не блудный сын, и уж тем более не богоборческая сила. Но с другой стороны – в культуре бывают и антицерковные, и антидуховные мотивы, тьма, а не свет, и значит, покаяние и очищение для неё – понятия не праздные. По-иному, мне кажется, ставить вопросы уже нельзя. Так давайте поговорим.

жу, что подчас не хватает прямого и личного общения, чтобы люди поняли друг друга. Не какими-то слухами пользовались – что кто-то сказал, сделал. Церковь не боится, но опасается того, что элементы светской культуры, проникая в церковь, будут её разрушать. Ведь были деятели эпохи обновленчества, как, например, известный Введенский, который сказал: «Я вошёл в Церковь, чтобы взорвать её изнутри». Опасность Церковь видит в том, что, возможно, какие-то «культурные» моменты могут разрушить (по-настоящему культурные не могут ничего разрушить, поэтому в кавычках), испортить духовную атмосферу в Церкви. А культура, в свою очередь, боится из-за того, что в Церкви сейчас не всё гладко и просто, и никто не может сказать: «Я отвечаю за сохранность той или иной иконы, картины, интерьера». Редчайшее исключение – наш храм. Но, к сожалению, у нас мало высокообразованных священников. Сейчас появилась должность древлехранителя, что-то типа ризничего, который отвечает за все произведения искусства, которые находящиеся в храме.

Если будут такие люди, которые получают образование, и если они будут допущены к тому, чтобы вести диалог, диалог правильный, то, думаю, проблем не будет.

Вообще, считаю, что противостояние Церкви и культуры – это надуманная проблема. Александр Михайлович правильно сказал, что Церковь без культуры и культура без Церкви немислимы. От нас зависит, как мы будем вести диалог.

Протоиерей Николай Соколов, настоятель московского храма Святителя Николая в Толмачах при Третьяковской галерее, кандидат богословия, выпускник Московской консерватории: Так как я являюсь представителем и церкви, и культуры, ска-

Лидия Михайловна Борщенко, директор Луганского художественного музея: Пути решения есть, и находятся они буквально на поверхности. Я хочу сказать из практики: именно художественным музеям наиболее сложно найти взаимопонимание с храмами, со

священнослужителями. И вы знаете почему: потому что во многих музеях есть иконы, которые храмы хотели бы вернуть, и есть художественные музеи, которые занимают церковные помещения. К решению этого очень-очень сложного вопроса мы шли долго, более 30 лет. И начали с простого – с возврата иконы из несохранившегося храма. Когда гитлеровцы заняли село Сиротино, этот храм был взорван. Не они его взорвали, а советские войска, к сожалению. Жители разобрали иконы по своим хатам. После войны эти иконы передали в наш музей. Но мы не просто передали икону Святой Троицы в наш Петропавловский собор. Нет, мы вначале провели исследование, технологическую экспертизу с привлечением центра реставрации из Киева. И после этого мы передали её в храм. После этого случая у нас появились близкие контакты со священнослужителями. И прихожане к нам стали приходить и активно участвовать в жизни нашего музея: они начали приносить нам иконы. И мы начали пополнять наш фонд, открыли выставку «Иконопись и церковная старина» из тех икон, которые принесли наши прихожане. А ещё в наш фонд входят иконы из музея имени Андрея Рублёва, передаче которых ещё в 1980-е гг. содействовал Александр Михайлович. Они стали основой нашего лектория православной культуры.

Наталья Микова, сценарист и тележурналист, соавтор А.И. Гутмана по фильму «Братство»: Начну свой ответ с цитаты из Пастернака, которая уже больше двух лет висит у меня в эпиграфе на страничке ВКонтакте. Может быть, вы знаете это стихотворение, оно называется «Рассвет»: «И через много-много лет / Твой голос вновь меня встревожил. / Всю ночь читал я Твой завет / И как от обморока ожил». Что сделать и каким путём пойти, чтобы от этого обморока, в котором находимся мы, находится наша культура, мы все ожили? Так или иначе мы все с культурой связаны, с творческой ли культурой или с культурой жизни. Это многообразное понятие, каждый культуру как-то по-своему понимает. И ожив от этого обморока, могли бы прийти к другой цитате, другому утверждению, другому замечательному поэту – Осипу Мандельштаму, который тоже сказал в своё время: «Теперь всякий культурный человек – христианин». Тоже прекрасная фраза.

Но напомнив вам эти цитаты, я подумала, что с эссе Гоголя, или, может быть, даже ещё раньше люди задумались над этим вопросом – как Церковь с культурой взаимодействуют. Храмом искусства называют и музей, и театр. Когда говорят о талантливом человеке, говорят

о Божьей искре в нём: его Бог отметил. То есть всё, что связано с культурой, во всяком случае, с творческой культурой, – оно как-то переплетено с религией. И само слово «культура» происходит от слова «культ», оно тоже имеет древнее религиозное происхождение. Потом, правда, в культе личности оно приобрело совсем другие оттенки. И в этом тоже своя загадка.

Почему необходимо деятелям культуры не отрывать-ся от Церкви? Почему даже в ситуации сегодняшнего дня нужно к ней вернуться? Почему жизненно необходимо ожить от этого обморока? Искусство, культура без благой вести, без заповедей, которые нам даёт Новый Завет, без любви к Богу, любви к человеку, радости, приятия мира – никогда не сможет быть настоящим искусством. И вы это сами знаете. Душа художника гаснет, появляется пошлость, появляется банальность, набор штампов, и искусство погибает. Это процесс эволюционный, и в истории нам известны и великие достижения, когда Церковь пробуждала творческий потенциал людей культуры, и великие падения, когда их пути расходились, когда примитив побеждал полноту восприятия и отражения сложности мира.

Что нужно сделать? Я работала на телевидении и тоже прикладывала руку к тому, чтобы всё было попроще. Когда ко мне приходили авторы, серьёзные авторы, то я им говорила: «Знаете, мы научно-популярное издание. Знаете, вот тут вот у вас серьёзенько очень, давайте всё сделаем попроще». Эта простота нас сейчас порабощает. Кто смотрит канал «Культура»? Ничтожный процент зрителей. Если какой-то серьёзный фильм даже проникает на 1-й, 2-й канал, то его будут показывать после часа ночи. Если какой-то серьёзный разговор, то он тоже куда-то там смещается. Есть у меня надежда, что мы, наше общество вот-вот устанем от банальностей. Устанем от пустой развлекательности. У меня такая надежда есть, потому что невозможно в этом существовать постоянно. Но нельзя сделать Церковь модой. Представляете, если появится на плакатах, на улицах цитата Мандельштама? Это вообще всё убьёт. Нужно призвать всех деятелей культуры. Я наивный человек, но как-то нужно призвать всех деятелей культуры к тому, чтобы вернуться к серьёзному размышлению о жизни. А не вкладывать все свои силы, не посвящать своё творчество тому, что сейчас так цинично стали называть телеюмором. Потому что без этих серьёзных размышлений, без вопросов, которые ставит перед нами Церковь, мы не продвинемся как общество, мы будем деградировать.

Я не знаю, все ли вы слышали двухчасовые ночные разговоры Дмитрия Быкова? По «Эху Москвы» он начинает в 12 часов, по-моему, и до двух часов ночи каждый четверг. И у него практически ни одной встречи не проходит без того, чтобы он не сказал, что он человек православный, что он человек религиозный, чтобы он не поговорил о какой-то теме, связанной с религией. Он говорит об этом спокойно, достойно говорит, и он говорит так, что я уверена, что кого-то он привёл в Церковь. У нас в Свято-Петровском братстве много художников.

Я уверена, что здесь тоже очень много людей, связанных с культурой. В общем, надо копать, надо идти в глубину, для того чтобы ожило то, что должно быть живым в каждом из нас.

Александр Котт, кинорежиссёр и сценарист, автор фильмов «Брестская крепость», «Ёлки», «Испытание», «Инсайт» и др., режиссёр сериала «Троцкий»: Я считаю, что диалога Церкви с представителями культуры не существует вообще на данный момент – в том объёме, в котором этот диалог должен быть. Я знаю, что в диалоге существует два объекта: Церковь и те, к кому она обращается (должна быть ответная реакция). В своей профессии я работаю, общаюсь со многими режиссёрами, актёрами, сценаристами, я нахожусь в той среде, к которой Церковь должна обращаться. Но у меня ощущение, что позиция Церкви очень часто озвучивается (даже слово неприятное – «позиция») в интернет-сетях, фейсбуке и т. д. не вполне адекватно. Там выступают несколько священников, и у многих (я не про себя говорю – я воцерковлялся) возникает ощущение, что позиция Церкви – это позиция либо этих нескольких священников, либо агрессивно-православно-настроенных людей. И это дичайший (я очень горюю по этому поводу), дикий-дикий обман. Потому что, мне кажется, абсолютно не хватает реального диалога.

Я знаю фонды, которые спонсируют фильмы. Подписан на сайт «Православие и мир» – сайт потрясающий, где разные позиции. Фильмы Хотиненко, фильм «Орда» производства «Православной энциклопедии» – какая-то идёт энергия, но это энергия «чего-то вообще». Зная тысячу человек, которые занимаются фильмами (моё поколение или моложе), при этом не знаю, к кому обращаться. Нет маяков. Понимаю, что у каждого есть свой храм, свой батюшка, духовник, но это личные твои или интимные даже вопросы. А вот так, чтобы диалог Церкви и культуры... Я знаю, что Церковь – это не здание, это люди. А где эти люди – не могу понять. Они сидят в фейсбуке, и, уверен, сидят не те, кто реально ответственно, мудро и спокойно может озвучивать церковную позицию. Извините, может быть, я говорю резко, но это действительно дикая проблема. Потому что сейчас происходит диалог Церкви с культурным полем, которое само воцерковлено. То есть это немножечко разговор самих с собой. В этом смысле «Православие и мир», пожалуй, единственное вменяемое издание, в котором позиции не всегда совпадают с мнением редакции и т. д. Разговаривать надо в современном медийном пространстве.

У меня был очень серьёзный коллапс в жизни, потому что профессия режиссёра – это грешная профессия. Так или иначе – это страсть. Ну как можно снимать кино не страдая, не сострадая, не переживая эти страсти? Надо иметь сильный иммунитет, иначе вообще зачем этим заниматься? Но меня успокоил один псалом: «Хвалите Господа на струнах» (Пс 150:4. – *Прим. ред.*), т. е. на псалтири. Тогда это был самый современный музыкальный инструмент. Сейчас мы, так или иначе, пользуемся современным языком. Я думаю, что Церковь должна им пользоваться, не избегать общения. Телеканал «Спас» – ничего личного! – но сахарнее телеканала я не знаю. Его смотрят только благостные бабушки, которых я обожаю и на которых молюсь (реально преклоняюсь перед ними, потому что они, в общем-то, святые люди). Но позиция должна быть, и общаться надо человеческим языком. Я не имею в виду, что надо опускаться до жаргона и т. д., но общаться нужно в медийном пространстве, которое существует. Сейчас Германика (Валерия Гай Германика – российский кинорежиссёр. – *Прим. ред.*), режиссёр достаточно серьёзной провокации, будет снимать околорелигиозное, околорелигиозное кино. Она сказала об этом: «Мне будет очень интересно», и это, наверное, так и будет. При том, что уже лет пять она ходит в один храм – храм для артистов, режиссёров, где всем всё прощают, все эти страсти и т. д. Но это неважно... Разговаривать всё равно надо...

А. М. Копировский: Спасибо большое. Нет ничего лучше проблемы, поставленной во всей её остроте. Но всегда нужно помнить истоки этой проблемы: 70 лет «вавилонского плена», в котором была не только церковь, но и страна, и культура. Последствия придётся расхлебывать ещё очень-очень долго. Поэтому сейчас, конечно, нужно очень большое терпение. Где-то нужно копнуть поглубже, где-то воздержаться от резкого суждения. И через асфальт травка пробивается, но она не может сразу заколоситься густо. Это первый момент.

Второй – то, что здесь было уже отмечено, и слава Богу, что отметил это именно отец Николай: что священнослужителям часто не хватает образования. А разве кто-то их образовывал, кто-то им помогал? Здесь нужна помощь, в том числе и со стороны работников культуры.

Хотелось бы ещё подчеркнуть то, что Александр сказал: что мнение отдельных священнослужителей – это ещё не мнение церкви. И часто, к сожалению, оно бывает недостаточно компетентным. В таких случаях не нужно говорить: «Вот, церковь против того, против сего». Во-первых, церковь может быть против распущенности, против порнографии, в нормальном случае – против идеологии, потому что идеология – один из видов смерти культуры, смерти искусства. Во-вторых, церковь – живой организм, и значит, может иметь свои болезни. Она может быть больна той же идеологией, может принимать подделку за подлинник, подлинник за подделку. Нам предстоит возделывать поле ещё непаханое. Но возможности для этого есть. Я всегда вспоминаю фразу Аверинцева: «Положение трудное, но не безнадежное». **КФ**

«Из общения рождается община»

Говорят участники дискуссионной площадки «Общение... нам это нужно?» – руководители и участники церковных движений и волонтерских организаций

Текст: Жанна Королёва, Татьяна Скрабанская, Дмитрий Дорошко. Беседовал Игорь Тимофеев

Волонтерство – добровольная и безвозмездная помощь тем, кто в этом нуждается: старикам, инвалидам, людям, пострадавшим от природных катаклизмов, – спектр волонтерской деятельности очень широк, но помимо конкретной помощи нуждающимся волонтерство часто становится той сферой жизни, в которой могут возникать глубокие человеческие отношения. Люди, которые свободно делают что-то ради других, не на словах, а на деле создают наше общество изнутри, но быть волонтером и не уставать, не испытывать негативных эмоций – невозможно. Волонтер отдаёт свои время и силы, видит страх, отчаяние, горе и боль. В ходе экспертного совета и рассказывая после него об ожиданиях и впечатлениях от совместного участия в одной из дискуссионных площадок фестиваля «Преображенские встречи», руководители и участники волонтерских организаций отвечали на множество острых и сложных вопросов.

Что вдохновляет волонтеров и помогает им избежать выгорания? Связано ли качество волонтерской деятельности с общением между волонтерами? Что помогает, а что мешает им создавать пространство общения? Какие существуют успешные формы горизонтальных связей внутри и между добровольческими организациями? Какие проблемы исцеляет, а какие не исцеляет качественное общение?

Ольга Балашова, региональный координатор движения «Старость в радость»: Главная задача нашего фонда – выстроить в стране систему взаимопомощи, которая будет доступна каждому пожилому человеку, оказавшемуся в сложной жизненной ситуации. Вся наша работа – это взаимодействие друг с другом, с сотрудниками домов-интернатов и с теми, кому мы помогаем. В

дом престарелых один не пойдёшь – в одиночку с таким количеством боли справиться невозможно, отсюда и возникает необходимость в объединении волонтёров. Люди-добровольцы, пройдя предварительную подготовку, регулярно ездят по этим домам, примерно раз в месяц. Каждая такая группа превращается в семью (4–5 часов общения в интернатах сплачивают). Они собираются, делятся своими страхами и сложностями и решают их уже системно, вырабатывая принципы работы фонда как организации. Общение с пожилыми людьми тоже происходит по определённым правилам. Основной принцип – это взаимодействие с радостью, без уныния и печали. Есть важное дело – через тепло общения дать одиноким людям почувствовать себя нужными, находить радость в тяжёлых обстоятельствах, помочь найти стимул к жизни. Дать надежду до следующего приезда. Второй важный принцип в нашем общении – это искренность. Чтобы не было «быстрого выгорания», не нужно подавлять в себе чувство брезгливости, а честно признаться себе в этом и начинать с того простого, что ты можешь сделать. Этот опыт общения «переворачивает» и твой внутренний мир – помогая другому человеку, мы и себя лечим.

Первое, что мне хотелось бы от участия в фестивале – это поделиться опытом, наработанным за долгие годы. Второе, конечно, привлечь волонтёров для того, чтобы сподвигнуть вас и поблагодарить тех людей из братства, которые трудятся вместе с нами. Я низко кланяюсь им, потому что они закрывают такие бреши, за которые простые волонтеры даже не берутся, самые сложные больницы.

Сегодня выступать спикером должна была наш директор Лиза Олескина, но по семейным обстоятельствам она не могла присутствовать. Но мы готовились с ней к этой конференции вместе. Для нас с ней самая большая радость – познание вот этой темы общения. Раскрывалась эта тема в предварительных встречах, на которые мы собирались в Свято-Филаретовском университете. И многие вещи для нас стали озаряться именно в процессе этих сборов.

Дмитрий Иванин, движение «Даниловцы»: Цель наша – не просто накормить бездомных, а помочь им обрести человеческое достоинство, снова научиться совершать в своей жизни выбор. Создать такую атмосферу доброжелательности, в которой будет возможно возрождение человеческой личности. Именно с этой целью мы и проводим разные мероприятия, чаепития, игры. Самые эффективные волонтерские проекты помощи бездомным – связаны именно с общением. Важно, что при этом формы общения могут быть разными. Оно может быть безмолвным: в принятии другого, в игре, в том, чтобы водить пальчиком по ладошке, когда человек после операции и не может говорить. Но, с другой стороны, большинство волонтеров движения говорят, что общение – это, конечно, здорово, но гораздо больший спрос и интерес у них к возможности практиче-

Ольга Балашова, Дмитрий Иванин

ской помощи бездомным, чем их собрание и проведение тематических встреч.

В нашем движении существуют общие групповые встречи волонтеров по темам, есть малые группы общения друг с другом. В них обсуждаются проблемные вопросы, происходит обмен опытом, обретается мера помощи бездомным людям. Как относиться к человеку с любовью, желанием ему помогать, но при этом не выгорать? Для этого важно соблюдать ряд правил, уважать его и свои границы: есть другая личность, да, она страдающая, но при этом не нужно сразу кидаться её спасать. Для нас такое общение – это средство и возможность сформировать правильное отношение к проблеме бездомности, предотвращение выгорания.

Что вдохновляет? По-настоящему вдохновляет Слово Божье и проведение евангельских встреч. Мне бы хотелось, чтобы наш разнообразный волонтерский опыт вырос из малых евангельских групп – так же, как благотворительный фонд «Предание» изначально вырос из того, что люди собирались вместе и читали Писание, а уже потом шли что-то делать.

От фестиваля было, конечно, ожидание общения. Честно говоря, я очень воодушевлён. Было крайне важно услышать опыт других участников, увидеть живой отклик из зала, вопросы. Важно, что это не было просто рассказом о своей деятельности, а совместным поиском. И мысль, что общение – не только инструмент, помогающий делу, я ещё буду обдумывать.

Олег Шевцов, один из основателей мемориально-просветительского и историко-культурного центра «Белое дело» (Санкт-Петербург): Наша организация возникла из небольшой группы частных лиц, интересовавшихся историей Гражданской войны, Белого движения, русской эмиграции и антибольшевистского сопротивления. Основаниями к объединению стала тема восстановления исторической преемственности, справедливости. Это труд по сохранению памяти о людях. Дело, конечно, для нас на первом месте. Но при этом очень важно, чтобы новый человек, придя к нам, попал в рабочую команду, которую питает дружеская любовь. Постепенно человек начинает разделять культуру, ценности, нормы поведения. Когда команда успешно реализует какие-то проекты, рождается

Олег Шевцов

Елена Рыдалевская

Иеродьякон Аввакум
(Василенко)

Максим Якубсон

доверительное общение и чувство локтевой связи. С одной стороны, дело первично, но без горизонтальных связей, без культуры общения невозможно продолжать никакую деятельность.

Иеродьякон Аввакум (Василенко), Свято-Троицкая Сергиева лавра: Я хотел понять из опыта тех людей, которые собрались здесь, как они понимают необходимость опыта Предания Церкви в духовной среде эмиграции для формирования сегодняшней, в будущем новой соборности. Что-то я услышал, чего-то нет. Это и понятно, потому что я, к примеру, несколько лет проводил исследования именно этого. Некоторые форматы здесь не озвучены совсем, некоторые меня просто удивили, мне не хватало знаний, и для меня очень важно, что здесь я нашёл такую точку опоры.

Осознавая то положение, в котором мы находимся, понимая, что во многих вещах у нас огромные провалы, видя греховность общества, нам необходимо понять наследие эмиграции, её религиозный опыт, которого нам не хватает. Об этом говорил митр. Антоний Сурожский. Он говорил, что пришло то время, когда мы должны обратиться друг к другу и найти то, чем мы можем друг друга обогатить, чем помочь. Если именно на сегодня это будет должным образом оценено, осмыслено, то мне кажется, мы получим очень большую перспективу.

От площадки у меня ощущение гармонии, ощущение внешнее, внутреннее удивительное. Поразил уровень обсуждения. Но хотелось бы ощутить перспективу именно практического воплощения всего этого в жизнь... Как, скажем, выстроить пространство духовного опыта, который помогал бы человеку переродиться? Я также не услышал одного важного акцента: что для формирования соборности нужно не менять идеологию, не просто какой-то опыт привнести, а менять всю парадигму жизни.

Максим Якубсон, режиссёр-документалист: Когда я ехал, у меня не было цели какой-то ясно для меня

сформулированной. Поскольку было приглашение, и у меня очень много друзей среди членов братств, Свято-Филаретовского института и есть память об о. Павле Адельгейме, для которого очень важно было это общение, то, конечно, я воспринимал это как его благословение.

В результате я действительно сформулировал очень важную идею. Мне кажется, она не мной сформулирована лично, а вышла как итог этой площадки: что из общения рождается община. А община есть то, что можно противопоставить подавлению личности. Это на самом деле путь исцеления общества.

Но, конечно, имеется в виду прежде всего не комфортное общение, а общение, требующее труда, в котором есть взаимное участие, взаимное обогащение разных людей, в том числе нуждающихся в освобождении, нуждающихся в помощи, людей с ограниченными возможностями в той или иной степени... На самом деле, наши возможности где-то хорошо бы ограничить. Люди с ограниченными возможностями помогают эти наши возможности, которые нас часто уводят в непонятно какие сферы, ограничить и направить их в русло Божьего созидания.

Елена Рыдалевская (Санкт-Петербург), исполнительный директор благотворительного фонда «Диакония»: В нашем фонде собираются люди одного духа, объединённые общей целью и болью за бездомных, зависимых людей, желанием им помочь. Общение между собой у нас рождается от того, что мы собрались и делаем одно общее дело, помогаем в этом друг другу. Важный принцип нашей работы – не учить тому, чего не делаешь сам. Если говорим, что не надо употреблять наркотики и алкоголь, – в первую очередь не делаем этого сами; если учим, что надо уважать человека, – прежде всего сами стараемся уважать каждого проходящего к нам человека, безотносительно к его состоянию и истории жизни. Любая фальшь здесь очень чувствуется.

Ольга-Олеся Сидорова

Юлия Балакшина

Если можно так выразиться, мы «община благо-разумного разбойника», так как на 90% команда нашего фонда – это люди, пришедшие к покаянию через изменение образа жизни. Освободившись от зависимостей, эти люди остаются и помогают – честно и открыто делятся опытом преодоления зависимости, перемены сознания. Появляются открытость и доверие. Ведь часто мы хотим казаться лучше, чем есть на самом деле. Только когда мы разрешаем себе быть несовершенными, появляется возможность вместить другого и прощать ему его несовершенство. Без этого глубинные и доверительные отношения невозможны. Только в такой атмосфере и может происходить исцеление человека, восстановление его личности. Вне этой среды любые духовные откровения и цитаты неубедительны. Такая община рождается долго, ведь здесь важно уметь разделять жизнь друг с другом, важны помощь и участие во всем. Целеполагание здесь одно из важных цементирующих средств. Мы собираемся не только потому, что симпатичны друг другу, но потому, что делаем одно общее дело, и есть обратная связь – действительно ли мы движемся к общей цели или нет? Если кто-то и ошибся – это не критично, не страшно, так как есть настрой помочь друг другу в атмосфере дружелюбия. У нас нет конкуренции между собой.

Юлия Балакшина, д-р филол. наук, учёный секретарь Свято-Филаретовского православно-христианского института (Санкт-Петербург): Мы эту встречу долго и серьёзно готовили, у нас было несколько предварительных туров переговоров с участниками этого круглого стола. В частности, мы встречались с представителями движения «Белое Дело», с организацией «Старость в радость». Конечно, когда встречаешься в камерном масштабе, то достигаешь большей глубины и понимания в каких-то словах, в каких-то смыслах. В этом отношении здесь, конечно, очень большое пространство, и глубины, возможно, было меньше, чем при личных встречах. Мне кажется, достоинство этой встречи в многообразии опы-

та. Удалось собрать разные волонтерские проекты. Одни занимаются историей, другие занимаются помощью эмигрантам, третьи – бабушкам, четвертые – ещё кому-то. Люди действительно в разных областях ищут. И в характере общения внутри этих волонтерских проектов есть что-то иное по сравнению с тем, что есть в нашем опыте общения. Общение в нашем опыте рождается из нашей встречи со Христом, из собрания вокруг Христа. У них этого нет. Среди них есть и невоцерковленные, и воцерковленные люди, но в своём общении они в любом случае не от этого идут, и получается, что для них точкой собрания оказывается человеческая боль. По сути, они тоже встречают Христа, но встречают Его, как в притче о Страшном Суде, в бездомном, в том больном, в той бабушке. В этом смысле, может быть, и не надо пытаться их свернуть с той мысли, что отклик на боль – первичен. Потому что в этом для них – встреча с Христом, и вокруг этого для них строится подлинное общение. Это для меня было, может быть, откровением сегодняшней встречи.

Ольга-Олеся Сидорова, председатель Воскресенского малого православного братства (Москва): Я, как один из организаторов этого экспертного совета, немножко переживала, что у нас много участников, и получится, что каждый скажет о своём, но не организуется пространство общения даже по времени, и, может, потому, что надо будет представить свою деятельность. И я удивилась, в очень хорошем смысле, что тема общения, которую мы заявляли, прозвучала в каждом выступлении. Хотя на предваряющих наших встречах, когда мы готовили этот совет вместе с некоторыми из его участников, звучало, что главное – дело, а общение – это всё-таки факультативно... И в каждом, видимо, какое-то осмысление в это время проходило, в каждом выступлении это прозвучало: самое главное – это пространство общения, которое просто явилось здесь в эти полтора часа. И я этому очень рада, это, собственно, и была наша цель. **КФ**

Бортенёвское сражение

В истории оказалась забыта первая значительная победа русских над золотоордынцами.
Почему?

Борис Колымагин

Семьсот лет назад, 22 декабря 1317 года, у села Бортенёво под Старицей произошло сражение, в котором тверской князь Михаил Ярославич разбил объединённое войско московского князя Юрия Даниловича и татарского темника Кавгадыя, вторгшегося в пределы Тверского княжества. Это была первая значительная победа русских над золотоордынцами. Орда не простила Михаилу Ярославичу своего позора. Он был вызван в 1318 году на ханский суд, после которого заключён в колодки. Через месяц Михаил Тверской был убит людьми Юрия Даниловича и Кавгадыя. Князь знал, что его ждёт смерть, и всё-таки предпочёл добровольно пойти на казнь, сохранив тем самым жизни тысячам своих подданных на Тверской земле. Ведь откажись он ехать, Орда прислала бы огромное карательное войско, нещадно разрушающее всё на своём пути.

Противостояние двух княжеств – это не только противостояние святости и прагматики. По словам Бердяева, собиравание земель вокруг Москвы привело к созданию православного ханства. Тверь, ориентированная на Запад, давала альтернативные возможности русской истории. Да, впереди были бы и кровь, и жестокая борьба за власть – словом, все ужасы средневековья. Но Русь была бы ближе к европейским странам и, возможно, избежала бы разрывов и потерь, начавшихся в XVII веке.

1. Набросок

Шоша разлилась, быстрые мутные воды, кустарник. Враги переходят овраг:

*Жадные московские рати
Хотят тверичей пояти.*

Они пришли за данью, пришли грабить и убивать. Княжеская

дружина Михаила Ярославича на бугре встречает объединённое войско москвичей и татар:

*О Русь моя, умрём теперь!
За нами Тверь!*

Профессор Александр Сорочан ведёт участников конференции «Миг как сюжет» по жёлтой глине, по разбухшей дороге.

Бобры в хатках. Зимуют. Добрые глаза бобров – можно представить.

Серо. Небо серое, снега немного, оттепель 22 декабря 1317 года.

Поле вылезает из осинников и болот на косогор, прячет воинов в мелком кустарнике.

Тверская идентичность. Не ордынская Азия, а дорога на Запад. Стрела – символ полёта. И поклонный крест.

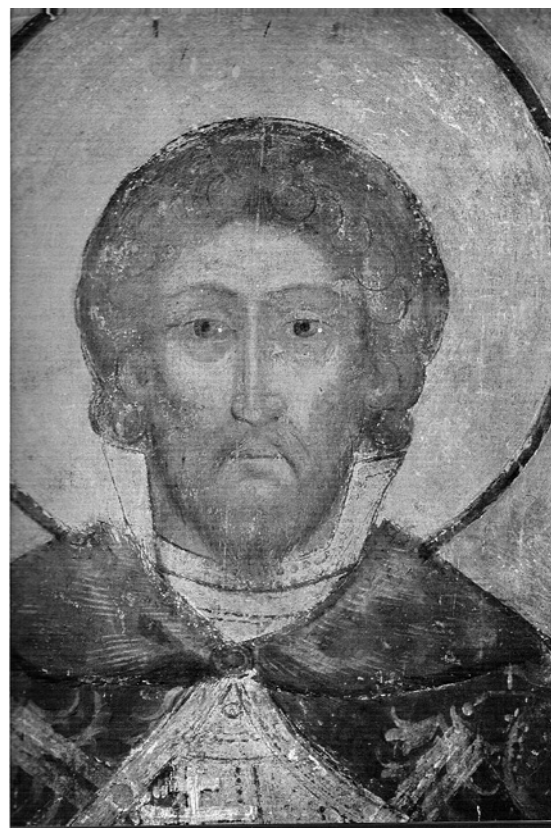
2. Полотно

*Река течёт в болотах гиблых
Коричневой поёт водой
И в снах тревожных и безвидных
Грустит о сечи стержневой
За Шошей тьмы и тьмы Востока
Ордынской конницы напор
И с ними москвичи – жестоко
Святой Руси наперекор.*

*Они уже ползут по гати,
Им крест и правда – нипочём
Но встали княжеские рати,
Архангел Михаил с мечом.
Но встала Тверь, и слышны трубы,
И благодать на благодать,
И светел лик, и сжаты губы –
Тонка истории тетрадь.
О Тверь моя, игра престолов,
Столица праведной борьбы
И бесконечных проговоров,
И канареечной судьбы.*

3. Послесловие

*Мы сидели с тобой у костра
Мы сидели с тобой до утра
И увидели смешные глазки бобра.
Он нырнул в свою хатку,*

Святой благоверный князь Михаил Тверской. Роспись Софийского собора Вологды, 1686 г.

*Мы – в палатку.
Было или снилось?
Пряталось и проявилось.
Бой в середине болот
Точное слово – вот.
Вот – мы стоим у реки.
Вот – москвичи,
Наступают враги
И в небе круги
В тумане
В обратной яме.
Миг как сюжет
Как тверской раритет.
Клубится рассвет.
Серое низкое небо
Серый пригорок
Глины пласти
Я и ты. КФ*

1917

МОЯ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ

Революция 1917 года – не дата из книги, это истории наших семей, наших бабушек и дедушек. Их воспоминания, их светящиеся глаза, чай с румяными пирогами на старенькой кухне. Это то, о чём они успели нам рассказать, и то, о чём специально умолчали. Что стоит за этим молчанием? В юбилей революции 1917 года важно осмыслить то, что произошло с нами в XX веке, подвести итоги столетия. Медиапроект «Стол» издаёт книгу воспоминаний «1917: моя жизнь после». Это будет книга о наших историях, о нашей памяти.

kniga1917.ru
predanie.org

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Т Е М А

Надежда

Рождество – это праздник надежды. И не случайно на его иконах собираются вокруг превращённой в колыбель кормушки для скота все, кто сотворён: люди, ангелы и животные, цари и пастухи, мудрецы и простецы... В своём богословском трактате «Церковь одна» А.С. Хомяков писал, что в Царстве Небесном вера станет знанием, а надежда – радостью. И та радость, о которой пели в этот день ангелы, – это та самая радость достигшей своей небесной полноты надежды

Алекسانдро-Невское братство возникло после крестного хода в защиту святынь Алекسانдро-Невской лавры. Защита от новой, безбожной власти храмов, подвергавшихся поруганию и разрушению, была одной из задач братства – но далеко не единственной. И когда выхода не оставалось, братство переходило из храма в храм, в нём возникали общины, собиравшиеся по квартирам. В своих письмах из лагерей и ссылок основатели братства напоминали: главное – сохранить церковь прежде всего как живую братскую связь друг с другом